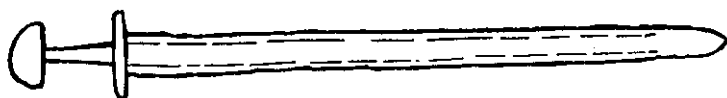
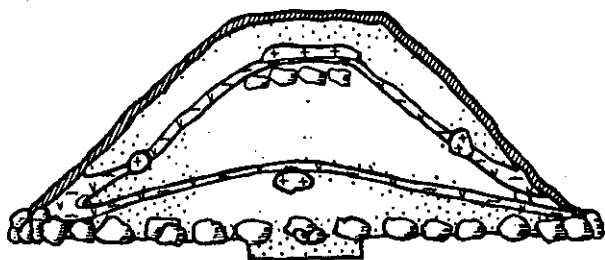

Н.И.Петров

ПОВОЛХОВЬЕ
И ИЛЬМЕНСКОЕ
ПООЗЕРЬЕ
В IX-X ВВ.

Н. И. ПЕТРОВ

ПОВОЛХОВЬЕ
И
ИЛЬМЕНСКОЕ ПООЗЕРЬЕ
В IX—X вв.

Учебное пособие

Издательство С.-Петербургского университета

Санкт-Петербург

1996

Языковой центр филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Основой настоящего учебного пособия явился текст спецкурса лекций «Истоки и становление Новгорода и Новгородской земли: VIII-XI вв.», читавшегося автором студентам кафедры археологии С.-Петербургского государственного университета в 1994 г. В книге рассматривается круг проблем, связанный с процессом формирования и трансформациями раннегосударственных структур Верхней Руси в IX-X вв. Основное внимание уделяется Поволховью и ильменскому Поозерью — именно в этих регионах разворачивались события, итогом которых стало сложение в XI в. социально-политического организма Новгородской земли. Существенное место отводится анализу основных проблем теории и методологии историко-археологического исследования.

Пособие предназначено для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов.

Отв. ред.: докт. истор. наук Г. С. Лебедев

Рецензенты: докт. истор. наук С. В. Белецкий (Ин-т истории материальной культуры РАН), канд. истор. наук Вас. А. Булкин (С.-Петербургский ун-т)

В оформлении обложки использованы следующие иллюстрации:

разрез сопки у д. Коровитчино на р. Ловать, раскопки Л. К. Ивановского 1871 г. (Седов 1982:86, табл. XX:7); меч X в. из окрестностей Новгорода (Кирпичников, Медведев 1985:328, табл. 116:1; см. также Кирпичников 1966:82, № 69, табл. 1:4); железный наконечник пахотного орудия из клада сельскохозяйственного и бытового инвентаря IX в., городище Холоний Городок, раскопки Е. Н. Носова 1980-1981 гг. (Носов 1990:180, рис. 68).

© Н. И. Петров, 1996

© Д. А. Мачинский, предисл., 1996

© Издательство С.-Петербургского университета, 1996

ISBN 5-288-01706-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Небольшая книжка Н. И. Петрова предназначена для читателя, всерьез интересующегося начальным периодом русской государственности, в частности — обстоятельствами возникновения первичного ее ядра на берегах Волхова и в бассейне Ильменя. Молодой исследователь обобщает результаты работ своих предшественников и предлагает некоторые авторские концептуальные разработки, опираясь в основном на работы ученых ленинградско-петербургской школы славяно-финно-русской археологии, в первую очередь В. Я. Конецкого, Е. Н. Носова, Е. А. Рябиница, С. Л. Кузьмина, А. Д. Мачинской, Н. И. Платоновой, отчасти — О. И. Давидан, Г. С. Лебедева, Д. А. Мачинского.

Появление такой книги весьма своевременно и необходимо, дабы ввести читателя в действительную, основанную на серьезных объективных исследованиях проблематику древнейшей истории Руси, а не дезориентировать его фиктивными проблемами, потакающими тем или иным узконациональным симпатиям или антипатиям, что, к сожалению, имеет место в ряде публикуемых научно-популярных и псевдонаучных книг.

Действительно, вопрос не в том, историчен ли Рюрик, сыграли ли варяги серьезную роль в образовании русского государства и когда и как появилось славянское племя *рос* (или *русь*) на среднем Днепре. Давно ясно, что никакого славянского племени или объединения *рос(русь)* на среднем Днепре не существовало до прихода туда во второй половине IX в. полиэтничных северных дружин, принесших этот социоэтноним; что сомневаться в историчности Рюрика нет оснований; что варяги сыграли роль дрожжей, катализатора в процессе образования русского государства и решающую роль в прокладывании пути «из варяг в греки», этого «стержня» единого русского государства, на который и «напизаны» основные центры языческой Руси: Ладога (Альдейгя), Новгород (Рюри-

ково городище), Смоленск (Гнездовское поселение) и Киев.

Действительно актуальна другая проблема: как пришельцы включались в местный этносоциальный контекст, как шло их взаимодействие с финнами, балтами и славянами, как славянство в этом «этническом состязании» с такими сильными конкурентами как скандинавы эпохи викингов, туземные племена финнов на севере и балтов в центре будущей Руси смогло стать доминирующим этносом и, вобрав в себя многие местные и пришлые компоненты, превратиться в базовый этнос русского государства.

В предлагаемой читателю книге рассматривается взаимодействие с начала IX в. двух основных этносоциальных организмов Северной Руси: собственно *русси* (*rhos*) — военно-торгового этносоциума, первично базировавшегося в Поволховье, в составе которого вначале доминировал скандинавский компонент, и *словен ильменских*.

Очень хорошо, что книга знакомит читателя с господствующим среди петербургских археологов после исследования Е.Н.Носовым Рюрикова Городища мнением, что Городище до середины X в. и было тем Новгородом, о котором упоминают летописи, и до 1010–1014 гг. оставалось основной княжеской резиденцией на севере. Также важно, что читатель познакомится с результатами блестящих раскопок Е.А.Рябикина в 1970 — 1980-х гг. на Земляном городище первой русской столицы Ладоги, с той археологической стратиграфией и периодизацией истории Ладоги, которая на базе предшествующих исследований разработана О.И.Давидан и Е.А.Рябининым и особенно подробно их учениками — С.Л.Кузьминым и А.Д.Мачинской, сопоставившими результаты периодизации с археологическими материалами северо-запада Руси и с письменными источниками; именно эта последняя периодизация положена в основу той модели истории ранней Северной Руси, которую предлагает автор книги.

И вот тут-то необходимы уточнения. Опираясь на действительные достижения петербургской школы археологии, Н.И.Петров строит свою модель истории, перескочив через необходимый промежуточный этап подробного собственного изучения базового материала, сопоставления различных археологических комплексов и типов вещей, построения системы относительной и абсолютной хронологии. И поэтому, при наличии ряда интересных сопоставлений и догадок, эта модель весьма уязвима.

Н.И.Петров счел убедительной мою и А.Д.Мачинской аргументацию в пользу того, что исходный пункт знаменитого путешествия шведов, послов хакана народа *rhos* в Византийскую и Франкскую империи в 838–839 гг., находился в Северной Руси, и, вероятнее всего, им была Ладога. Но никоим образом нельзя согласиться с тем, что «утверждению *Rhos* в Поволховье в конце 830-х годов предшествовала... протогосударственная структура, образованная исключительно переселенцами из верхнего Поднепровья. Условно ее этносоциальный облик можно определить как *словенский*». Это положение автора базируется в основном на «славяно-кривичском» характере вещевого комплекса и отчасти домостроительства в IV ярусе Ладоги (810–840 гг. по Кузьмину-Мачинской).

Несомненно, что и этносоциум *rhos/русси*, и доминирование скандинавов в его составе, и знакомство его с южными путями, и приятие его главой титула *хакан* имеют к 839 г. длительную предысторию, а ярус IV Ладоги (и, вероятно, ярус III) отражает вызревание этого организма, а отнюдь не является «исключительно словенским». Другое дело, что исследования Рябикина, Кузьмина, Мачинской выявили значительную роль «словенско-кривичского» компонента в составе поволховской *русси* уже в начале IX в.

Вообще некоторое преувеличение роли словенского населения именно Поозерья в колонизации и «огосударствлении» северо-запада Руси, недоказанное удрепление даты его появления здесь (в Поозерье), в ряде случаев — чрезмерное противопоставление его собственно *русси* и преуменьшение роли последней не украшают авторского построения и не вытекают из материала.

Весьма перспективное осмысление ранней истории собственно Великого Новгорода (его возникновение около 947 г. на базе сельских поселений, превращение в сакральный христианский, а позднее — и административно-княжеский центр) зачем-то отягощено (судя по таблице II) необоснованным отнесением двух первых этапов исключительной к «компетенции» *словен* с игнорированием несомненной роли князей и *русси* в процессах первичного строительства и христианизации Новгорода.

Однако несмотря на эти замечания при отсутствии серьезной научно-популярной литературы по теме «возникновение Руси», настоящая книга — несомненный шаг вперед и отчасти заполняет существующую лауну.

Книга вряд ли станет, как полагает автор, «базовой схемой» для более широких разработок, но она несомненно вводит читателя в реальную историческую проблематику, знакомит его с интереснейшим материалом и концепциями, будит мысль и привлекает интерес к актуальнейшей тематике ранней русской истории.

Д.А.Мачинский

ВВЕДЕНИЕ

... Стараясь избежать падения в пропасть необоснованных гипотез, необходимо помнить, что стремление любой ценой обеспечить себе максимум точек опоры чревато неподвижностью.

Д.С.Раевский

Культурно-исторические процессы, результатом которых явилось становление Новгорода и формирование Новгородской земли, давно стали объектом пристального внимания исследователей. Недавно итоги историко-археологического изучения этого круга проблем были обобщены в двух крупных трудах, отражающих две различные точки зрения (Носов 1992; Фроянов 1992). Казалось бы, определенный этап осмысления результатов конкретных исследовательских разработок на концептуальном уровне завершен. Мне, однако, представляется, что появление новых исследований-концепций этой темы по-прежнему необходимо. Почему?

Во-первых, здесь следует остановиться на проблеме исторических реконструкций, строящихся по данным письменных источников. Очевидно, что основным требованием, предъявляемым к таким реконструкциям, будет являться требование непротиворечивости объяснения имеющихся сведений, непротиворечивости их соотнесения друг с другом. (В исследовательской практике приходится все-таки говорить лишь о возможности наименее противоречивого объяснения данных письменных источников.) Это, в свою очередь, позволяет выйти на уровень внутренней логики текста и попытаться свести к минимуму субъективность восприятия источника исследователем. Очевидно, однако, что характер письменных источников, сведе-

ния которых относятся к рассматриваемой проблематике, вряд ли когда-нибудь позволит выработать окончательную и единственную историческую реконструкцию. Краткость летописных известий, текстовые лакуны, — все это делает необходимым построение не одной, а нескольких реконструкций. Взаимная же «конкуренция» различных концепций, строящихся на базе различных реконструкций, порождает в таком случае их взаимную корректировку.

Во-вторых, очевидно, что для историко-археологических исследований чрезвычайно остро стоят проблемы теоретико-методологического уровня и прежде всего — проблема методики сопоставления сведений письменных источников с археологическими материалами. К сожалению, эти вопросы, как правило, не рассматриваются исследователями историко-археологической конкретики. Хотя активное использование таких терминов, как **этнос**, **археологическая культура**, **миграция** и т.п., казалось бы, предполагает изложение их понимания исследователем, формулировку основных теоретических посылок, на которых строится собственно концепция. Но так или иначе любой исследователь в своих построениях исходит из неких представлений теоретического уровня при интерпретации конкретных материалов. Таким образом, «конкуренция» различных концепций проявляется не только уровне вариантов сопоставления имеющихся в наличии материалов (множественность вариантов обусловлена фрагментарностью источников). Эти варианты концепций могут быть разработаны и на основе единой теоретико-методологической базы (Клейн 1993:30). «Конкуренция» концепций проявляется также (а вернее — прежде всего) в различиях их теоретических и методологических основ.

* * *

Территорией, на которой происходило формирование базовой протогосударственной структуры Верхней Руси, как справедливо полагает большинство исследователей, являлось Поволховье и непосредственно связанное с данным регионом ильменское Поозерье. Именно здесь в IX-X вв. разворачивались те события, итогом которых стало сложение в XI в. Новгородской земли. С другой стороны, в это же время в верхнем Полужье и среднем Помостье происходит формирование «крупнейших очагов местного социального развития», маркированных зонами кон-

центрации сопок — погребальных памятников местной племенной элиты (Конецкий 1992:130-132; Кузьмин 1992:117-118). Сложный и далеко не однозначный диалог местных племенных сил с раннегосударственным образованием в Поволховье явился основным содержанием процесса становления Новгородской земли.

Проблемы историко-археологического изучения отмеченных регионов (прежде всего — Поволховья и Поозерья) и рассматриваются в этой книге.

Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность за предоставленную мне возможность ознакомиться с рукописями неопубликованных исследований С.Л.Кузьмину (дипломная работа), Е.Н.Носову (докторская диссертация) и Н.К.Степенко (статья, находящаяся в печати).

І. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*И у каждого здесь есть излюбленный
метод
Приводить в движение сияющий прах...*

Борис Гребенщиков

*... Методы исследования должны быть
адекватны его предмету.*

Л.С.Клейн

Круг теоретических проблем историко-культурных реконструкций достаточно обширен. Здесь я хотел бы остановиться лишь на тех вопросах, которые имеют принципиальное значение для основных выводов этой книги. При этом я ни в коем случае не претендую на всестороннее освещение рассматриваемых ниже проблем. В этой главе ставится несколько иная задача — раскрыть авторское понимание тех или иных терминов, понятий; обосновать взятые в качестве основы методические посылки; в общем — ввести некие «правила игры» для данного исследования.

* * *

Сравнительно недавно (начало 1980-х гг.) в археологическом изучении раннесредневекового Северо-Запада чрезвычайно актуальным стал поиск точек пересечения сведений письменных источников и археологических материалов. Истоки подобного подхода лежат, пожалуй, в исследованиях, посвященных анализу новгородских берестяных грамот. Именно эта группа источников впервые позволила вывести осмысление археологических данных на тот уровень исторической конкретики, который можно охарактеризовать триадой **имя—место—дата** (см. — Янин 1965:104; Янин 1981:7 8).

«Историческая археология», представленная в разработках В.Л.Янина, — отметил Г.С.Лебедев, — далеко не

тождественна «археологической истории», воплощенной в подходе Б.А.Рыбакова» (Лебедев 1992:441). Корректное «узкое» сопоставление данных письменных и археологических источников на событийном уровне (**имя—место—дата**), являясь надежной опорой историко-археологического исследования, выгодно отличается от широкого сопоставления последних с субъектами-коллективами этнической истории, активно практикуемого представителями **археологической этногенетики** (см. Клейн 1993:43–44) и не раз подвергавшегося справедливой критике.

«Событийные» сопоставления неоднократно привлекали внимание целого ряда исследователей (С.В.Белецкий, А.П.Кирпичников, С.Л.Кузьмин, Г.С.Лебедев, Д.А.Мачинский, Е.Н.Носов, Н.И.Платонова и др.). В конце 1980-х гг. подобный подход получил серьезное историко-ведческое «подкрепление». С.Л.Кузьминым и А.Д.Мачинской была разработана новая, более дробная «ярусология» Земляного городища Старой Ладоги; каждый из выделенных строительных горизонтов получил (на основании данных дендрохронологической шкалы) достаточно узкую датировку (Кузьмин 1988:22–31, табл. 1; Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986:164–166; Кузьмин, Мачинская 1989а:29–30; Кузьмин, Мачинская 1989б:142–144; Кузьмин, Петров 1990:61–62). Хронологический анализ вещевого материала, происходящего из культурного слоя Новгорода, дал возможность Ю.М.Лесману выделить датирующие типы вещей (основываясь на данных дендрохронологии), что, в свою очередь, позволило получить узкие датировки для погребальных комплексов древнерусского времени северо-запада Новгородской земли (Лесман 1988). Кроме этого, на сегодняшний день накоплена серия дат, полученных радиоуглеродным методом (Попов, Свеженцев, Зайцева 1991:169–182). Таким образом, **историческая археология** Северо-Запада обрела довольно прочную хронологическую основу, совершенствование которой продолжается (см. Богуславский 1991).

«Событийные» сопоставления представляются чрезвычайно привлекательными в силу некоей методической простоты. отождествление фактов, выявляемых в письменных и археологических источниках, строится на базе их жесткой территориально-хронологической привязки. Именно «степень жесткости» данной привязки и обуславливает здесь ценность археологического факта. Историко-ведчески обоснованная система территориально-

хронологических привязок уже сама по себе является гарантией высокой степени вероятности событийной историко-археологической реконструкции. Классическим примером подобного подхода в археологии раннесредневекового Северо-Запада стало сопоставление летописных сообщений о событиях, предшествовавших призыву варяжских князей (изгнание варягов, междоусобные войны) и прослойки пожара, зафиксированной при раскопках Земляного городища Старой Ладogi и датированной 860-ми годами (Кирпичников 1985:23).

Очевидно, однако, что «событийные» сопоставления не решают проблему поиска в археологических материалах соответствий тем или иным этническим коллективам. Здесь необходимо обратиться, по крайней мере, к предварительному анализу термина **этнос**.

* * *

Основным условием существования этноса, без которого он просто не существует, является **этническое самосознание** (Бромлей 1983:176; Лесман 1989:13; Клейн 1992:235–236). Именно общности людей, осознающих свое единство (реализующееся в исторической действительности в самых разнообразных формах) и выступающих в конкретных ситуациях в рамках исторического процесса именно в таком своем качестве, представляют собой реалии этнической истории. При этом жесткая корреляция между сферой этнического самосознания, на уровне которой этнос противопоставляет себя другим этническим общностям, и культурными традициями, языком и т.д. зачастую отсутствует (Клейн 1978:26; см. также Бромлей 1983:55; Гумилев 1989:48–49). Признание культурной специфики (равно как и этнического самосознания) основным признаком этноса предполагает, в свою очередь, признание сознательного проецирования этносом противопоставления **мы** — **они** в сферу культурных традиций. Очевидно, однако, что подобная ситуация фиксируется (или может быть зафиксирована) далеко не всегда, а точнее — чрезвычайно редко. Таким образом, единственным первичным признаком, внутренне присущим этнической общности, следует признать этническое самосознание.

Однако при подобном понимании этноса возникает закономерный вопрос: что в таком случае отличает этносы от иных социальных общностей, наделенных сознанием

своего единства (политических, конфессиональных, профессиональных и т.д.)? Ю.В.Бромлей (1983:45, 180) предложил считать отличительным признаком этнических общностей наличие самоназвания — этнонима. Но ведь любая социальная общность, осознающая себя таковой, фиксирует, как правило, свое самосознание в самоназвании. Л.С.Клейн (1992:236) полагает, что этнос образует социальная общность, апеллирующая к общности исторической судьбы (как реальной, так и легендарной) и предусматривающая хотя бы возможность отдельного территориально-организационного существования. Но апелляция к общности исторической судьбы — признак слишком «расплывчатый». Разве социальная группа населения, не являющаяся этносом (например группа, занимающая определенное место в вертикальном срезе структуры общества), никогда не может быть охарактеризована этим признаком? Стремление подобного коллектива к отдельному территориально-организационному существованию также вполне допустимо. Один из наиболее ярких примеров ситуации такого рода (но далеко не единственный!) — восстание рабов в Сицилии 137–132 гг. до н.э. (*царство Эгна-Антиоха*). Наконец, даже если признать выделенные Л.С.Клейном признаки этноса, отличающие его от других социальных общностей, возникает вопрос: а всегда ли мы можем говорить о наличии данных признаков у тех или иных коллективов людей, существование которых зафиксировано письменными источниками? И если не можем (нет данных) — считать ли подобные коллективы этносами? Очевидно, что такое понимание этноса (исходя из отмеченных выше двух его признаков по Л.С.Клейну) заводит этноисторическое исследование в некий интерпретационно-источниковедческий «тупик».

Выход из этого «тупика» видится мне в признании отсутствия какого-либо принципиального различия между этническими и иными социальными общностями, осознающими свое единство, воплощенное в самоназвании. Данное утверждение прекрасно иллюстрируется примером «иал-племенного дружинно-торгового слоя, консолидирующегося вокруг князя, образующего его дружину» (Кирпичников, Лубов, Лебедев 1986:202–205), функционировавшего в структуре древнерусского государства IX–X вв. Здесь дело даже не в том, что данной социальной общности было свойственно сознание своего единства, признанное выше единственным «работающим» признаком этноса и вы-

развившееся в самоназвании *русь*. Любопытно другое — *русь-дружина* выступает в качестве этноса даже в рамках распространённых представлений об этносе как об общности людей, характеризующейся культурной (прежде всего — дружинные погребальные традиции) и языковой (скандинаво-славянский билингвизм в дружинной среде) спецификой (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986:276–280; Петрухин 1990:207–214). Чем считать в таком случае *русь-дружину* — этносом или же какой-либо иной социальной общностью? Использование понятия **этносоциальная общность (этносоциум)**, более адекватно отражающего этноисторические реалии, это затруднение преодолевает.

При этом чрезвычайно важным обстоятельством представляется присущая этносоциальным общностям иерархия. Исследователями уже не раз подчеркивалось существование различных уровней этнических общностей (см., например, Чебоксаров 1967:96; Бромлей 1983:57–87; Гумилев 1989:134, табл.2). С представлением о структуре этнических общностей как об иерархической структуре можно полностью согласиться. Однако с учетом сказанного выше, следует, пожалуй, говорить о чрезвычайно сложной, многогранной иерархической структуре **этносоциальных общностей**. И здесь необходимо сделать одну важную оговорку.

Дело в том, что те или иные коллективы людей активно выражают сознание своего единства, выступая тем самым в качестве этносоциальных общностей, прежде всего, в неких экстремальных ситуациях. Именно в подобных случаях идея единства коллектива резко актуализируется в общественном сознании. Нормальная ситуация подобной актуализации не предполагает. Очевидно, что этносоциальная консолидация таких коллективов возможна лишь при наличии некоей экстремальной ситуации (война, миграция и т.д.). Общественное сознание этносоциума не постоянно обращено к стремлению выразить в той или иной форме свое единство (ср. Лесман 1993:99).

Таким образом, вряд ли следует считать иерархию этносоциальных общностей постоянно функционирующей в историческом процессе во всей своей полноте. В различных ситуациях (прежде всего — в экстремальных) различные коллективы могут «обращаться» к различным уровням этносоциальной иерархии при актуализации в общественном сознании идеи единства. Самосознание единства может проявляться и на уровне конфессиональной общности,

и на уровне общности людей отдельного поселения... При подобном понимании этносоциальной (этнической) истории следует признать дискретный характер последней — этносоциальная общность (в силу специфики проявления ее самосознания) в историко-культурной конкретике выступает отнюдь не в качестве некоей «исторической постоянной». К сожалению, мы не всегда можем проследить данную дискретность в сообщениях письменных источников — ведь они, как правило, не ориентированы на отражение механизма актуализации (воплощающейся в самоназвании-этнониме) в сознании коллектива идеи единства на том или ином уровне этносоциальной иерархии. Однако учитывать дискретность этноисторических процессов необходимо — в противном случае возникает опасность их статического понимания.

Реконструкция конкретной этносоциальной структуры и, прежде всего, реконструкция динамики ее функционирования в этноисторическом процессе по данным письменных источников неизбежно сталкивается с необходимостью преодоления разрыва, существующего между **планом выражения** и **планом содержания** источника. Существует, таким образом, «проблема перехода от исторического источника к действительности, которую он отражает отнюдь не «зеркально», преломляя ее в сложной призме мировидения своего автора» (Гуревич 1975:98). Этносоциальная терминология источника и терминология, функционировавшая в живом языке отраженной в источнике эпохи, отнюдь не тождественны друг другу. Последняя, «выпадая» в письменную традицию, подвергается определенной формализации, вытекающей из общего характера источника, стремящегося к однозначной интерпретации социальной действительности. Выяснить, что скрывается на уровне **плана содержания** за тем или иным конкретным социальным термином источника, можно лишь в результате тщательного анализа сопутствующего данному термину текста, сопоставления термина с соответствующей ему во времени и пространстве социокультурной средой. Толкование же термина на основании устоявшихся и привычных в исследовательской практике представлений всегда создает опасность его искаженного, неверного понимания (Блок 1986:95).

За одним и тем же этносоциальным термином, упоминаемым источником при изложении событий, происходивших в разное время и в различных регионах, могут стоять

различные этносоциальные реалии (Дьяконов 1981:90, 92). Поэтому необходимо исследовать динамику функционирования этнонима. При этом следует отметить, что, анализируя этносоциальную терминологию письменных источников, ни в коем случае не следует исключать возможность существования более или менее значительного взаимоналожения значений различных терминов, их полисемантичность, а также возможность того, что наименование той или иной этносоциальной группы населения по каким-то причинам не «вышло» в письменную традицию, отраженную источником. Подобный подход требует максимальной источниковедческой корректности исследователя при анализе этносоциальной терминологии источника и проведения на его основе реконструкции этносоциальной структуры. В противном случае возможными становятся чрезвычайно вольные и малоубедительные интерпретации.

* * *

Какова роль археологических источников в реконструкции процесса функционирования этносоциальных структур? Какие возможности для исследования данного круга проблем они представляют?

Представление о тождественности этноса **археологической культуре** (далее — АК) до сих пор чрезвычайно распространено среди археологов, занимающихся изучением историко-культурных процессов на территории раннесредневекового Северо-Запада*. При этом подобное отождествление никак не аргументируется. Аналогичная ситуация сложилась и с так называемыми **этническими признаками (индикаторами)**, наличие которых предполагается в археологических материалах. В принципе подобное предположение возражений не вызывает. Вопрос заключается в том, как эти этнические признаки выявить. И прежде всего здесь необходимо выяснить что следует понимать под этническими признаками.

Исходя из понимания этносоциальной общности, как коллектива людей сознательно функционирующего в историческом процессе, наделенного самосознанием своего единства, следует признать: этническим (этносоциальным) признаком в археологическом материале можно считать такой культурный тип артефакта, в котором данная этносоциальная общность сознательно воплощала свое

самосознание. Очевидно, что выявление признаков этносоциальных общностей сугубо археологическими методами в таком случае попросту невозможно. Можно указать лишь два возможных пути выделения подобных признаков: поиск указаний на соответствующие культурные типы в письменных источниках или же привлечение для выделения данных типов определенных этнографических параллелей. При этом второй путь представляется наименее предпочтительным. Поясню это на конкретном примере.

М.Е.Фосс попыталась реконструировать этнические процессы на археологических материалах эпохи неолита севера европейской части России, взяв в качестве этнических признаков различные варианты орнаментации керамики. Обоснованием данного выбора стал ряд примеров из области этнографии, в которых племенная принадлежность определенного керамического орнамента отчетливо осознавалась представителями данной этнической общности. Кроме этого, М.Е.Фосс отметила символичность керамического орнамента, отсутствие его непосредственной связи с теми особенностями культуры, которые обусловлены географическими и другими «не-этническими» факторами. Изложенное послужило основанием для выделения различных «племенных узоров» в орнаментике неолитической керамики (Фосс 1952:66–77).

Но сама по себе символичность керамического орнамента для использования его в исследовании в качестве этнического индикатора основанием служить не может — об отсутствии какой-либо всеобщей взаимообусловленности культурных традиций этносоциальным самосознанием говорилось выше. Расширение же круга этнографических аналогий свидетельствует о том, что керамический орнамент выступает в качестве индикатора этносоциальной общности далеко не всегда. Действительно, в ряде случаев этнографы фиксируют этносигнификативную функцию керамической традиции (включающей керамическую орнаментацию), осознаваемую представителями этноса. Но при этом функционирование в культуре иноэтнических керамических традиций также имеет место (Шнирельман 1990:51–53).

Таким образом, единственной опорой археолога, лишённого «живой» информации о культурных традициях, обусловленных этносоциальным самосознанием, могут выступить лишь сведения письменных источников о них, связанные с исследуемой этносоциальной общностью.

Чрезвычайно частое отсутствие таких сведений (а прежде всего — отсутствие таких источников) делает невозможным обоснованное выделение этнических признаков в археологическом материале и, следовательно, сопоставление АК с этносоциальной общностью. «Возможность сведения АК к этносу появилась бы лишь в том случае, если бы удалось выявить в сфере культурных явлений, с которыми работают археологи, такие признаки, которые соответствуют только этносам, или же обнаружить в ряду культурных явлений такие закономерности, которые опять-таки исполняют исключительно этнические функции, и доказать возможность их обнаружения археологическими методами. В действительности ни того, ни другого сделать не удалось» (Аникович 1989:116; см. также Клейн 1991:148, 188–189).

Здесь следует также остановиться на точке зрения Е.М.Колпакова, полагающего, что «нельзя говорить о совпадении АК с социальной общностью, но вполне допустимо говорить об их соотносительности и рассматривать АК как научную конструкцию, соотносимую с социальной общностью» (Колпаков 1990:23; Колпаков 1991:52). Но, во-первых, неясно, каким образом следует различать в исследовательской практике представление о «совпадении» АК и социальной (этносоциальной) общности и представление об их «соотносительности». Е.М.Колпаков отмечает, что «речь идет, конечно, не о замене одного слова другим, более расплывчатым, — меняется само содержание наших представлений о соотношении АК с социальной общностью. Так, нельзя уравнивать территориально-хронологические границы АК с территориально-хронологическими границами соотносимой с ней социальной общности — они могут проходить по разным рубежам» (Колпаков 1990:24; Колпаков 1991:52). Но, в таком случае, возникает вопрос — а существует ли вообще необходимость обосновывать возможность подобного «соотношения»? Ведь даже ее признание не предполагает дальнейших исследовательских «ходов», не вносит каких-либо изменений в дальнейшую процедуру исследования.

Во-вторых, данное высказывание вступает в противоречие с другим принципиальным тезисом исследователя. Е.М.Колпаков совершенно справедливо допускает множественность возможных вариантов классификации (типологизации) одного и того же «блока» археологических мате-

риалов и, следовательно, множественность АК: «... Не может быть единственных правильно выделенных типов, не может быть универсального выделения археологических культур... Наоборот, в одном материале можно сформировать различные археологические культуры, можно сделать это разными способами — и все они будут правильными и нужными, но для разных случаев. Если мы хотим изучать этногенез, то нужно выделять типы по одним признакам, а если социальную стратификацию, то по другим» (Колпаков 1988:110; Колпаков 1991:49–50). Но ведь в первой из приведенных цитат Е.М.Колпаков (судя по приводимым им примерам) имеет в виду некую «соотнесенность» с социальной общностью АК вообще. Значит ли это, что о подобной «соотнесенности» можно говорить применительно к любой АК? Но если в результате классификации по иному признаку (по иной группе признаков) на месте данной АК появится другая (другие!), не соответствующая первой? Будет ли она соотноситься с той же социальной общностью? Проблема вновь упирается в отсутствие возможности выявления этнических признаков...

Наконец, можно предположить связь культурных традиций, выявленных в археологических материалах, и этносоциальной общности при условии существования последней в состоянии некоей культурной изоляции (ср. Колпаков 1991:48). Здесь, однако, мы вновь сталкиваемся с необходимостью обоснования актуализации данной связи в коллективном сознании рассматриваемой этносоциальной общности. Если возможностей для подобного обоснования нет, то нет и оснований предполагать такую связь: исчезнут условия культурной изоляции — исчезнет и корреляция этносоциальной общности с данным «блоком» культурных традиций.

Существует ли возможность пространственно-временной локализации этносоциальных коллективов в археологических материалах без выделения этнических признаков? Видимо, да. Но при этом следует сразу оговориться — подобную локализацию можно пытаться проводить лишь в том случае, если она вообще была свойственна данному коллективу. Методические приемы такого рода исследования чрезвычайно близки охарактеризованному выше «событийному» («точечному») сопоставлению сведений письменных источников и археологических данных. Термин письменного источника, обозначающий этносоциальную общность и прошедший критический содержатель-

ный анализ, максимально точно «зафиксированный» во времени и пространстве, а также в рамках той или иной этносоциальной иерархии, «налагается» на соответствующий территориально-хронологический «блок» археологических материалов. Особое значение для рассматриваемого круга проблем имеет соответствующая времени и месту существования данного этносоциума поселенческая структура, выявляемая археологическими исследованиями. Конкретное поселение, относящееся к такой структуре и связанное с определенным комплексом погребальных памятников, является «исходной единицей исследования»; «комплексом памятников», «принадлежащих одному коллективу древних людей и характеризующих различные стороны деятельности этого коллектива...» (Лебедев 1973б:58; Лебедев 1975:57).

Чрезвычайно важным при подобной этносоциальной интерпретации совокупности комплексов памятников определенного территориально-хронологического среза представляется учет возможности различия их этносоциально-политического статуса. (В поселенческую структуру одной этносоциальной общности могли «внедряться» центры представителей инородных коллективов.) В качестве примера выделения различных рангов комплексов археологических памятников, отражающих статус последних в рамках определенного социального организма, считаю возможным привести выявленные Г.С. Лебедевым (1987:15–16) ранги навигационно-значимых комплексов памятников эпохи раннего средневековья, связанных с трассой *Пути из варяг в греки*. Не менее важен учет неких коллизий, фиксирующихся на уровне данной поселенческой структуры (прослойки тотальных пожаров, резкое прекращение функционирования ряда поселений и т.п.), — ведь они могут свидетельствовать о соответствующих трансформациях этносоциальной структуры (ср. Клейн 1988:23).

Примечания

* Проблема отражения культурно-исторических реалий, непосредственно не связанных с этнической историей, при использовании категории АК здесь не рассматривается — ей посвящена другая наша работа (Петров, Плохов 1993:59–69).

II. СЛОВЕНЕ (ИЛЬМЕНСКИЕ): 800-е годы — конец 830-х годов

Они полагали, что при их многолюдстве, военной славе и жадности им было слишком тесно на своей земле...

Гай Юлий Цезарь. Записки о галльской войне

Ключевая роль Поволжья и ильменского Поозерья в сложении социально-политического организма Новгородской земли отмечалась исследователями неоднократно (см., напр., Конечкий 1992:126; Мачинский 1986:3; Носов 1991:5–6, 10). Именно с этими регионами соотносятся сведения письменных источников о формировании первоначальной севернорусской протогосударственной структуры. Кроме этого, именно в Поволжье и Поозерье в конце I тыс. н.э. происходит формирование и развитие тех культурных традиций, которые впоследствии во многом определили культурную специфику Северо-Западной Руси в целом.

1. Об исходном регионе миграции населения в Поволжье и Поозерье в конце I тыс. н.э.

В настоящее время существуют две основные точки зрения на проблему выявления истоков населения рассматриваемых регионов в конце I тыс. н.э. Согласно одной из них исходным регионом миграции следует считать Польское Поморье (Седов 1982:66; Носов 1988:38). По мнению ряда других исследователей, в качестве подобного региона выступает верхнее Поднепровье и, в целом, более южные регионы Восточной Европы. Наиболее полное и последовательное развитие данная точка зрения получила в работах Д.А. Мачинского (1981; 1982).

Прежде чем оговорить мое отношение к отмеченным выше точкам зрения, хотелось бы сделать несколько замечаний относительно методики выявления миграций и той роли, которую играют в подобных исследованиях археологические материалы.

Некие деструктивные изменения, происходящие в куль-

туре мигрирующего населения (Клейн 1973:6-7), делают в принципе невозможным обоснование наличия того или иного переселения исключительно археологическими материалами (см. Шукин 1977:83-84). В силу целого ряда причин, трансформации культурных традиций при миграции могут чрезвычайно сильно изменять исходный культурный облик данной группы населения. Таким образом, отсутствие определенных параллелей в археологических материалах различных регионов не обязательно должно свидетельствовать об отсутствии миграции населения. И наоборот — существование подобных параллелей не всегда свидетельствует в пользу последней. Выход из этого исследовательского «тупика» видится мне (для рассматриваемой эпохи) в проверке предположения о наличии миграции сведениями письменных источников. И, конечно же, соответствие последних неким сдвигам культурных традиций в пространстве, фиксируемым в археологических материалах, можно рассматривать как идеальный вариант результата исследования.

Данным методическим требованиям полностью отвечает точка зрения Д.А.Мачинского, связывающего появление основной массы населения в Поволховье и Поозерье в конце I тыс. н.э. с расселением славян на север из Подунавья. «Дунайская версия» прекрасно увязывается со сведениями письменных источников и той событийной «сетью», которая реконструируется на их основе (Мачинский 1982:7-12). Этому полностью соответствует целый ряд культурных трансформаций, прослеживаемых в археологических материалах Восточной Европы второй половины I тыс. н.э. (Мачинский 1981:50; Мачинский, Мачинская 1988:49-53, рис. 2). Методическая корректность данной точки зрения представляется очевидной (ср. Седов 1994:94-98).

Гипотеза же о миграции населения Поволховья и Поозерья из области Польского Поморья методически представляет собой как бы «зеркальный» (в отрицательном смысле) вариант «дунайской версии». Исторический контекст предполагаемой миграции не ясен. О волне радикальных изменений в сфере культурных традиций говорить тем более не приходится. Отдельные параллели в археологических материалах данных регионов вполне объяснимы иными причинами. «Степень сходства материалов Северо-Западной Руси с балтийско-славянскими такова, что позволяет предположить не прямую миграцию славян

с берегов Балтики в район Новгород и Ладоги, а существование (в течение длительного времени) особой северославянской культурной зоны... Генетически культурные группы этой зоны в целом восходят к культуре пражского типа V-VII вв.» (Лебедев 1985а:47). Наконец, следует отметить, что широко распространенное мнение о непосредственной связи древненовгородского диалекта (зафиксированного текстами новгородских берестяных грамот XI-начала XII вв.) с западно-славянскими языками (Зализняк 1984:151; Седов 1989:12) также вызывает серьезные возражения (Трубачев 1991:251-254).

В последнее время все более заметной становится связь (на уровне культурных традиций) населения Поволховья и Поозерья конца I тыс. н.э. и прилегающих регионов («культура сопок») с населением верхнего Поднепровья — так называемыми «носителями культуры смоленских длинных курганов». Прежде всего данная связь прослеживается по керамическим материалам (Шлохов 1992:121-122; Концевий 1992:127). Кроме этого, элементы набора женских украшений, выявленные археологическими исследованиями на памятниках рассматриваемого региона также находят себе наиболее яркие аналогии в древностях культуры смоленских длинных курганов. В этом отношении в первую очередь необходимо отметить соответствующие элементы вещевых комплексов IV строительного яруса Земляного городища Старой Ладоги* (Кузьмин 1988:53, табл. 11; Мачинская 1990:56) и комплекса памятников в урочище Курская Гора (Клубова 1992а:22-23). Наконец, связи рассматриваемого региона с верхним Поднепровьем прослеживаются в гидронимии северного Поволховья (Булкин, Мачинская, Мачинский 1994:37-38). Все это (с учетом принимаемой мною в целом «дунайской версии» Д.А.Мачинского) свидетельствует, надо полагать, о миграции населения в Поволховье и Поозерье из области верхнего Поднепровья. При этом, следует, конечно же, принимать во внимание ту неизбежную трансформацию культурных традиций мигрирующего населения, о которой говорилось выше. Кроме этого, оказавшиеся в волховско-поозерском регионе, переселенцы из верхнего Поднепровья испытали ряд мощных культурных импульсов извне. В первую очередь, здесь необходимо отметить **традиции сооружения сопок и изготовления лепной керамики «ладожского типа»**, сформировавшиеся, судя по всему, в северном Поволховье (Носов 1992:11;

Плохов 1992:121) и широко распространившиеся в течение IX-X вв. на территории Северо-Запада.

2. О датировке начала формирования волховско-поозерской поселенческой структуры

В настоящее время возникновение поселенческой структуры конца I тыс. н.э. в рассматриваемых регионах связывается исследователями, как правило, с VIII в. (Конецкий 1992:125; Мачинский 1982:18-19; Носов 1991:10). Вызвано это прежде всего датировкой древнейших строительных горизонтов Земляного городища Старой Ладogi на основании полученных дендродат серединой VIII в. Для большинства же остальных поселений, бесспорно функционировавших в IX в., возможность их существования в VIII в. лишь допускается (Носов 1992:17). Подобная «размытость» датировок поселений связана с тем, что отчетливые хронологические индикаторы собственно VIII в. среди вещевого материала для данных регионов практически полностью отсутствуют. В связи с этим становится еще более очевидной ценность дендрохронологической шкалы Земляного городища, являющейся своеобразным «хронологическим репером» прежде всего для Поволховья.

Однако в результате уточнений, внесенных в стратиграфию и хронологию Земляного городища С.Л.Кузьминим и А.Д.Мачинской, выяснилось, что появление полного набора элементов круга древностей культуры смоленских длинных курганов в северном Поволховье соотносится лишь с IV строительным ярусом, датирующимся 810-840 гг. (Кузьмин 1988:53, табл. 11; Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986:165-166). У населения же более раннего времени доминировали совершенно иные культурные традиции. I строительный ярус (750-760 гг.) связывается с выходцами из Скандинавии. Домостроительные традиции и прежде всего вещевой комплекс строительных ярусов II-III (760-810 гг.) сопоставимы с «поздней стадией культуры псковских длинных курганов» (Кузьмин 1988:40, 44, 47-48, 81-83, табл. 6-9).

К вещевому комплексу I строительного яруса, возможно (!), относится бронзовое височное проволочно-пластинчатое серповидное кольцо с отверстиями, безусловно связанное с набором женских украшений культу-

Таблица 1

Стратиграфия и хронология культурного слоя VIII-X вв. Земляного городища Старой Ладogi (Кузьмин 1988:табл. 1-2).

В.И.Равдоникас (1949:10-12, рис. 2-3; 1950: 7-8, 35-38)	О.И.Давидан (1976:101-117, рис. 1-6, 9)	Е.А.Рябинин (1985:36-37, 48, табл. I; см. также Черных 1985: 76-80)	С.Л.Кузьмин, А.Д.Мачинская	Годы
Д	Д	Д верхнее	XI	1000
			X	990
			IX	970
			VIII	950
E ₁	E ₁	E ₁	VII	920-е
			VI	890-е
E ₂	E ₂	E ₂	V	860-е
			IV	840
E ₃	E _{3/1}	E ₃ бурый гумус I	III	810
			II	780
	E _{3/2}	E ₃ черный гумус	I	760
				750
E _{3/3}	E ₃ бурый гумус II			

Примечание. Двойной линией в таблице обозначены границы между строительными ярусами, маркированные следами тотальных пожаров на поселении.

ры смоленских длинных курганов (Кузьмин 1988:40, табл. 6; Рябинин 1985:61, 65, 67, рис. 23:9). Само по себе появление данного элемента женской субкультуры в вещевом комплексе ладожских первооселенцев северо-европейского происхождения представляется вполне объяснимым явлением. Здесь хотелось бы указать на весьма вероятную связь этой находки непосредственно с территорией верхнего Поднепровья. В известных на сегодняшний день вещевых комплексах памятников Поволховья и прилегающих регионов, относящихся к несколько более позднему времени (IX в.) и достаточно полно представляющих набор металлических женских украшений, восходящий к культуре смоленских длинных курганов, серповидные проволочно-пластинчатые височные кольца отсутствуют (см. Седов 1994:89–95, рис. 10). Я имею в виду элементы набора женских украшений, относящиеся к IV строительному ярусу Земляного городища (Кузьмин 1988:табл. 11) и городищу и селищу в урочище Курская Гора в верховьях р. Луга (Клубова 1992а:22–25; Клубова 1992б:7). На территории же верхнего Поднепровья височные кольца этого типа представлены значительным числом находок (Енуков 1990:53–54, 201–202, рис. 14).

Попутно следует коснуться проблемы проникновения на территорию Северо-Запада керамической традиции так называемого «ладожского типа». К последней принято относить лепные сосуды с четко выраженным плечиком, часто — ребром при переходе от горловины к конически сужающемуся тулову, выделенной шейкой. Очевидным представляется распространение данной традиции по Северо-Западу из северного Поволховья — древнейшая керамика «ладожского типа» известна лишь в материалах Земляного городища, где она фиксируется в культурных напластованиях первоначального ладожского поселения середины VIII в., т.е. относится к I строительному ярусу 750–760 гг. (Плохов 1992:121). Учитывая северо-европейский «облик» I яруса в целом, любопытно указать на отмечавшиеся Е.Н.Носовым (1992Д:175) аналогии керамике «ладожского типа» в археологических материалах Швеции. Предполагаемые мною скандинавские истоки данной керамической традиции, однако, ни в коем случае не исключают возможности параллельного поиска таковых в западно-славянских керамических материалах южного побережья Балтийского моря. Сходство керамики «ладожского типа» с последними (керамика типа Менкендорф) не

раз отмечалось исследователями (Плохов 1992:121; Носов 1992Д:176). «...Но необходимо подчеркнуть, — заметил А.В.Плохов (1992:121), — что в Повгородской земле профилированная керамика («ладожского типа». — Н.П.) лепная, в то время как в западно-славянских древностях она частично обточена на круге». В качестве причины подобного различия я вполне допускаю скандинавское «посредничество» в появлении данной керамической традиции (изначально связанной с южным побережьем Балтийского моря) в северном Поволховье. Сама по себе возможность подобной «цепочки» распространения традиции (в самых общих чертах: южное побережье Балтики—Скандинавия—северное Поволховье) с учетом чрезвычайно интенсивных контактов населения в рамках Балтийского региона в рассматриваемую эпоху (см. Херрман 1986:24–26) представляется весьма вероятной.

Таким образом, появление в середине VIII в. в северном Поволховье керамики «ладожского типа» следует, видимо, связывать с проникновением в данный регион группы скандинавских переселенцев. Впоследствии подобная керамика получает довольно широкое распространение на территории Северо-Запада в целом. Надо полагать, что с I строительным ярусом Земляного городища следует связывать и группу иных керамических традиций, представленных лепными сосудами с эсвидным профилем и небольшим венчиком, слабопрофилированными и баночными сосудами (см. Рябинин 1985:64–66, рис. 25–26). Уже отмечавшаяся А.В.Плоховым (1992:121–122; см. также Носов, Плохов 1991:129, 145–149, рис. 8–12) связь данной группы традиций с культурой смоленских длинных курганов (равно как и с культурой псковско-повгородских длинных курганов) заставляет предполагать проникновение в микросоциум первоначального ладожского поселения представителей населения тех территорий, с которыми принято соотносить отмеченные археологические культуры. Для правильного понимания характера появления представителей данных групп населения среди ладожских первооселенцев следует отметить связь изготовления лепной керамики с женской субкультурой (см. выше).

Возвращаясь к проблеме датировки начала массового освоения Поволховья в конце I тыс. н.э., отмечу, что соотнесение этого процесса со временем не ранее рубежа VIII–IX вв. (начала IX в.?) может быть обосновано не только выявлением и сопоставлением различных куль-

турных традиций с разными строительными ярусами Земляного городища. Ко времени существования построек IV строительного яруса (810-840 гг.) относится как резкое уплотнение жилой застройки на ладожском поселении по сравнению с предшествующим периодом, так и появление первоначальной застройки на левом берегу р. Ладожка — на участке Варяжской ул. (Кузьмин 1988:48, 53; Кузьмин, Мачинская 1989б:143). К этому же времени (начало IX в.) относится и формирование поселенческой структуры северного Поволжья в целом. Скорее IV ярусу возникают поселения на р. Любша (городище) и близ д. Горчаковщина (селище). Дашая синхронизация основывается на находках бронзовой и серебряной обоймиц, украшенных пунсонным орнаментом и происходящих из культурных отложений этих поселений. Украшения с подобной орнаментацией присутствуют в материалах Земляного городища, начиная именно с IV строительного яруса (Кузьмин 1988:53-54, 84; см. Петренко, Шитова 1985:182-184, рис. 1). К началу IX в. относится, надо полагать, и возникновение комплекса поселений (городище и селище) у д. Новые Дубовики — в вещевом комплексе селища присутствует фрагмент бронзовой бляшки с характерным пунсонным орнаментом (Кузьмин 1988:54, 84; Кузьмин, Мачинская 1989б:143; см. Носов 1976а:79-80, рис. 2:8). Таким образом, в начале IX в. в северном Поволжье фиксируется появление не только целого ряда принципиально новых культурных традиций, но и резкий приток населения, с которым безусловно связано формирование поселенческой структуры данного региона.

В верховьях Волхова система укрепленных пунктов северного Поволжья (к числу которых следует отнести и поселение на месте Земляного городища; см. Кузьмин 1988:34-36, табл. 33) замыкалась комплексом поселений Холодий городок (городище и селище), возникновение которого, судя по всему, также относится к началу IX в. Клад восточных монет, обнаруженный на селище, датируется по младшей монете 810/811 г.; не противоречит этой дате и вещевой комплекс городища (Носов, Плохов 1989:37, 39, рис. 3). Полутно стоит отметить, что, возможно, к данной системе укрепленных поселений начала IX в. относилось и городище у д. Городище близ Пчевских порогов на Волхове. Этот памятник, однако, не подвергался археологическим исследованиям, в связи с чем определить время его возникновения более или менее точно не представляется

ся возможным (см. Носов 1981:19-20, рис. 1). Наконец, не исключено, что уже в это время существовало поселение (укрепленное?) на месте Рюрикова городища. Это предположение, однако, пока не подтверждено археологическими исследованиями (Носов 1990:150).

Таким образом, система укрепленных поселений с примыкающими к ним открытыми участками жилой застройки формируется в Поволжье не ранее рубежа VIII-IX вв. (условно — 800-е годы). Синхронное возникновение данных поселений свидетельствует об отсутствии поэтапного освоения Волхова. Формирование рассматриваемой поселенческой структуры скорее следует охарактеризовать как «взрывообразное». Важно отметить, что поселения, составляющие ее (прежде всего — укрепленные), маркируют ключевые точки волховского отрезка балтийско-волжского пути, удачно охарактеризованного Д.А.Мачинским (1986:3) как «торгово-военно-сакральный». Начало его функционирования, судя по находке арабского дирхема 699/700 г. в I строительном ярусе Земляного городища (Кузьмин 1988:81-82; Носов 1976б:102; Седых 1994:47), относится ко времени не позднее середины VIII в. (Булкин, Мачинский 1986:15). Однако окончательное становление волховского отрезка балтийско-волжского пути безусловно совпадает с началом IX в. и маркировано выпадением серии кладов арабских монет (Носов 1976б:100-102; Носов 1992Д:79-81), а также первой «мощной монетной волной», достигшей стран Балтики к 810 г. (Фомин 1989:152; Фомин 1982:16-19, рис. 1-2, 5).

Очевидно, что за чисто хронологическим соответствием времени сложения системы укрепленных поселений на Волхове и начала функционирования волховского отрезка балтийско-волжского пути стоит нечто большее: именно возникновение данной поселенческой структуры и сделало возможным нормальное, а не эпизодическое функционирование пути. Можно полностью согласиться с Е.Н.Носовым в том, что расположение городищ на Волхове говорит о стремлении обеспечить контроль над данным участком балтийско-волжского пути, что, в свою очередь, свидетельствует о существовании некоей «организующей силы, стремившейся обеспечить регулировку движения по пути и обладавшей соответствующей властью» (Носов 1992Д:84). Для обозначения данной «организующей силы» наиболее подходит термин **протогосударство**.

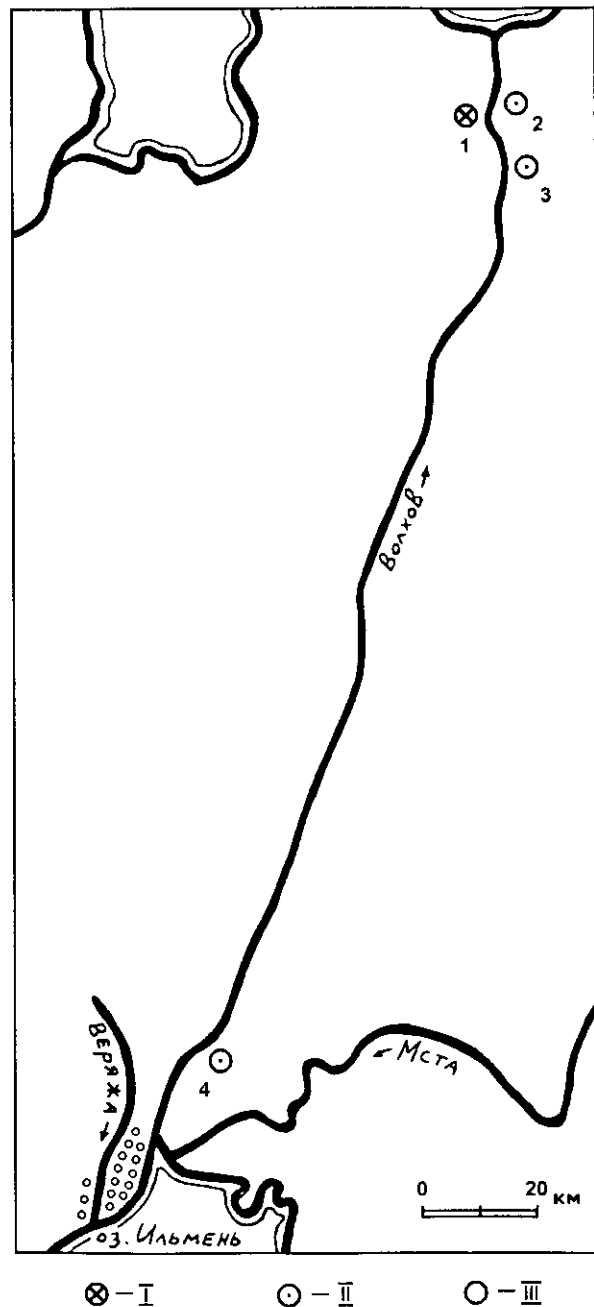
Время возникновения поселенческой структуры конца I тыс. н.э. в Поозерье уточнить еще более сложно по причинам, указанным выше (отсутствие хронологических индикаторов собственно VIII в. среди вещевого и керамического материала). Как правило, датировки колеблются в пределах VIII–IX вв. (Носов 1992:17). Следует, однако, отметить, что полученная с поселений Поозерья серия дат по образцам угля (датировка радиоуглеродным методом) относится к хронологическому интервалу, нижней границей которого является 870 г. Лишь одна из радиоуглеродных датировок по костям животных (селище I у д. Васильевское) относится к хронологическому интервалу, нижней границей которого является 690/780 г. Но данная датировка заметно отличается от датировок по образцам угля, происходящих из заполнения того же комплекса и относящихся к гораздо более позднему времени. Это расхождение в датировках стратиграфически синхронных образцов угля и костей животных объясняется исследователями тем, что «датирование по коллагену считается методически более сложным, чем по углю, и результаты его во многом зависят от химической подготовки образца, при которой не всегда удается извлечь из него примеси загрязняющего органического углерода» (Попов, Свеженцев, Зайцева 1991:173–174, табл. 2).

Вещевой материал бесспорно говорит о существовании этих поселений в IX в., функционирование же их в VIII в. остается под вопросом. Уточнить время сложения поселенческой структуры Поозерья конца I тыс. н.э. можно, исходя из выяснения ее соотношения с системой укрепленных поселений Поволжья в распределении между ними социальных функций.

Вряд ли можно сомневаться в том, что основной причиной освоения рассматриваемой территории в конце I тыс. н.э. было начало функционирования волховской водной артерии как части балтийско-волжского пути (ср. Седов 1994:92). Предположение же о процессе данного освоения как об аграрной колонизации, судя по всему, разделяемое рядом исследователей (Концевий 1992:126–127; Носов 1991:5), вызывает серьезные возражения. Для признания изначального земледельческого характера освоения данного региона (прежде всего — Поозерья) необходимо обосновать наличие аграрного «голода» в исходном регионе миграции. Однако подобного обоснования не делалось ни сторонниками расселения групп населения в

Поволховье и Поозерье из района верхнего Поднепровья, ни исследователями, считающими, что оно продвинулось на рассматриваемые территории из Польского Поморья. В случае, если аграрный «голод» действительно являлся одной из основных причин миграции, непонятным представляется освоение новых земель в значительном отрыве от исходного региона расселения. Единственной причиной освоения как Поволховья, так и Поозерья в конце I тыс. н.э. выступает, таким образом, начало функционирования волховского отрезка балтийско-волжского пути. В таком случае вполне естественным представляется изначальное (и при этом синхронное, а не поэтапное) освоение ключевых пунктов на Волхове.

Очевидно, что основные функции волховско-поозерского протогосударства воплотились в рассмотренной выше системе укрепленных поселений Поволховья. Центром последней несомненно выступало северное Поволховье и, прежде всего, как и в несколько более позднее время, поселение на месте Земляного городища Старой Ладоги. Однако еще А.Н.Кирпичниковым отмечалось, что земледельческие возможности ладожских поселенцев были чрезвычайно низки: «...Заселение нижнего Поволховья стимулировалось не... выгодой земледельческого освоения района...» (Кирпичников 1985:6). С другой стороны, место расположения комплекса поселений Холопий городок, по мнению Е.Н.Посова, «весьма неудобно для занятий хозяйственной деятельностью» (Носов 1977:14). В таком случае, вполне правомерно будет рассматривать поселенческую структуру Поозерья как земледельческую базу протогосударственного организма Поволховья (рис. 1). Чрезвычайно благоприятные природные условия Поозерья для пашенного переложного земледелия, господствовавшего в системе хозяйства рассматриваемого населения, не раз отмечались исследователями. Необходимость же наличия подобной земледельческой базы в рамках данного протогосударства не вызывает сомнений. Освоение Поозерья, таким образом, было подчинено формированию протогосударственной структуры на волховском участке балтийско-волжского пути и, надо полагать, происходило (в целом) синхронно сложению в начале IX в. системы укрепленных поселений Поволховья.

3. О первоначальном этносоциальном облике волховско-поозерского протогосударства

Для характеристики волховско-поозерского протогосударства IX в. исследователями неоднократно предпринимались в целом успешные попытки привлечения синхронных сведений различных письменных источников. Прежде всего здесь следует отметить целый ряд работ Д.А.Мачинского (1982:21–23; 1984:15–16; 1988:46–49; см. также Мачинский, Мачинская 1988:47–48; Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986:165–166), использовавшего соответствующие известия западноевропейских, древнерусских, византийских и арабских письменных источников. Их территориальная «привязка» к данному региону представляется достаточно аргументированной. Однако, на мой взгляд, существует необходимость уточнения хронологического соотношения этих сообщений с археологическими материалами Поволховья и Поозерья.

Как полагают Д.А.Мачинский, С.Л.Кузьмин и А.Д.Мачинская, формирование в Поволховье этносоциальной общности *Rhos*, зафиксированной Бертинскими анналами (839 г.), происходит в хронологический интервал существования построек IV строительного яруса Земляного городища Старой Ладogi (810–840 гг.). Однако Бертинские анналы (1989:9–11) отчетливо фиксируют присутствие скандинавов в составе данной общности — выходцами из Северной Европы были послы, отправленные лидером *Rhos* в Византию. Само же название этносоциума непосредственно восходит к древнешведскому *rothsmen* (см. Мачинский 1988:47). С другой стороны, характеризую вещевой комплекс IV строительного яруса, С.Л.Кузьмин отметил «почти полное отсутствие вещей, указывавших бы на постоянное пребывание норманнов». Значительный приток населения из Скандинавии (домостроительная тради-

Рис. 1. Карта-схема Поволховья и ильменского Поозерья (800-е — конец 830-х гг.): I — центр волховско-поозерского протогосударства *словен*; II — укрепленные поселения Поволховья; III — сельские земледельческие поселения Поозерья. 1 — Ладога, 2 — городище на р. Любша, 3 — городище у д. Новые Дубовики, 4 — городище Холопий городок. (Примечание: на рис. 1–6 отмечены лишь те археологические памятники, которые имеют ключевое значение для исследуемого круга проблем и достаточно «узкую» хронологическую «привязку».)

ция, вещевой комплекс) фиксируется лишь в материалах V строительного яруса Земляного городища (840–860-е годы), отделенного от IV яруса прослойкой пожара (Кузьмин 1988:53, 58, табл. 13). При этом, необходимо отметить, что датировка верхней хронологической границы IV яруса (840 г.) в значительной степени условна и основана на серии дендродат, располагающихся в интервале 838(!)–845 гг. (Кузьмин 1988:26, 30). Учитывая все вышеизложенное, полагаю, что более обоснованным будет являться соотношение появления *Rhos* в Поволховье с началом функционирования построек V строительного яруса (конец 830-х годов). Более подробно вопрос о хронологическом соотношении с Поволховьем данного сообщения Бертинских annalов (а также, сопоставимых с ним известий ряда других источников) рассматривается в следующей главе.

Таким образом, следует признать: утверждению *Rhos* в Поволховье в конце 830-х годов предшествовала волховско-поозерская протогосударственная структура, образованная исключительно переселенцами из верхнего Поднепровья. Условно ее этносоциальный облик можно определить как *словенский*. Здесь, однако, необходимо сделать несколько замечаний относительно летописного термина *словене* (ильменские).

Большинство исследователей, опираясь на сообщения летописных текстов о расселении *словен* на побережье оз. Ильмень (см. например — Лаврентьевская летопись (1962:7)), рассматривает в качестве первоначальной «базовой» территории данной группы населения ильменское Поозерье (Конецкий 1992:126; Мачинский 1986:6; Носов 1991:6). Однако в указанных сообщениях речь идет об основании *словенами* Новгорода. В связи с этим стоит отметить, что если смысл, вкладывавшийся в название *Новгород* в летописных известиях о событиях, происходивших после 862 г., представляется в значительной степени очевидным (см. гл. IV), то в указанных случаях выяснить его гораздо сложнее. Археологические данные, подтверждающие существование в первой половине IX в. словенского *нового города*, отсутствуют. (Напомню, что древнерусское *городъ* связано, прежде всего, с обозначением укрепленного поселения.) С другой стороны, по мнению Г.А.Хабургаева (1979:225), рассматриваемые летописные сообщения во многом подчинены стремлению летописца «доказать, что древнейшее и основное население Новгорода — славяне...» В таком слу-

чае, не следует исключать возможности «проецирования» летописцем названия *Новгород* на рассматриваемый период (ранее 862 г.).

Кроме этого, чрезвычайно ценным представляется еще одно заключение Г.А.Хабургаева. Чередование Ъ/Е (в суффиксе) при использовании термина *словене* в летописных сообщениях о событиях IX-X вв. свидетельствует, как полагает исследователь, о том, что подобное использование является лишь неким книжно-литературным приемом. *Словене* в данных текстах — отнюдь не самоназвание той или иной этносоциальной общности (Хабургаев 1979:220–221). Функционирование подобного термина в «живой» этносоциальной терминологии фиксируется лишь в более позднее время (*Словенинь* древнейшей Правды Русской 1016 г.).

С учетом всего сказанного выше предположение об (отнюдь не непосредственном!) отражении волховско-поозерской протогосударственной структуры 800-х — конца 830-х годов в летописных известиях о существовании самостоятельного словенского *княжения/волости* (Лаврентьевская летопись (1962:10), Ипатьевская летопись (1962:8), Радзивилловская летопись (1989:13), Новгородская первая летопись (1950:106), предшествующих рассказу о сборе дани *варягами со словен*, представляется вполне допустимым.

Сообщение, возможно, связанное с первоначальным волховско-поозерским протогосударством, содержится также в русской редакции Жития св. Стефана Сурожского (1893:100). Отражение в данном известии («О приходе ратию к Сурожу князя Бравлина из Великого Новаграда») неких исторических реалий признавалось многими исследователями (Васильевский 1893:291. Ключевский 1956:132–133. Левченко 1956:46–55. Сахаров 1980:25–30, Сахаров 1986:38–47, Мачинский 1984:15. Фроянов 1992:57). По мнению В.Г.Васильевского (1893:289, 290–293), событие, отразившееся в данном тексте, имело место в 800–830 гг., однако ряд конкретных деталей последнего связан с более поздним временным срезом. Именно в таком качестве следует, видимо, рассматривать упоминание *Великого Новаграда*, являющееся лишь территориальной «привязкой» отмечаемого источником события. В связи с указанным обстоятельством нет оснований и для сопоставления сочетания *рать велика роусская жития* с терминами *Rhos* Бертинских annalов и *русь* летописных

текстов, повествующих о событиях IX в. Попытке подобного сопоставления противоречит и хронологическая канва источников — утверждение *Rhos* в Поволховье, как было показано выше, может быть отнесено лишь к концу 830-х годов. Сообщение жития св. Стефана Сурожского следует рассматривать, таким образом, как отражение данным источником одной из военных акций волховско-поозерского словенского протогосударства первой трети IX в.

Примечания

* Здесь и далее я пользуюсь стратиграфией Земляного городища, разработанной С.Л.Кузьминым и А.Д.Мачинской. Соотношение данной стратиграфии с другими вариантами «ярусологии» Земляного городища представлено в табл. 1.

III. RHOS БЕРТИНСКИХ АННАЛОВ И ЛЕТОПИСНЫЕ СЛОВЕНЕ: конец 830-х годов — 862 год

*Они не имеют пашен, а питаются,
лишь тем, что привозят из земли славян.*

Ибн Русте. Дорогие ценности

Как было показано в предыдущей главе, наиболее вероятной датировкой появления и утверждения в Поволховье этносоциума *Rhos* следует считать конец 830-х годов. При соотнесении появления этой группы населения в рассматриваемом регионе с началом функционирования построек V строительного яруса Земляного городища Старой Ладogi получает объяснение, выявленная раскопками, прослойка сильного пожара, уничтожившего постройки IV яруса и красноречиво свидетельствующего о характере утверждения общности *Rhos* в Поволховье. Вполне объяснимой представляется и попытка установления дипломатических отношений с императором Феофилом, последовавшая практически сразу же после утверждения данной группы выходцев из Скандинавии в Поволховье и зафиксированная Бертинскими анналами.

1. Сведения письменных источников

Д.А.Мачинский и А.Д.Мачинская (1988:47–48) совершенно справедливо связали сведения этого источника об этносоциуме *Rhos* с северным Поволховьем, отметив множество противоречий, возникающих при их «привязке» к среднему Поднепровью (ср. Лебедев 1985б:189–190, 196–197, 227–229, 238, рис. 54; противоположная точка зрения представлена в статье И.П.Шаскольского — 1981:43–54). При этом, однако, следует отметить, что соотнесенное Д.А.Мачинским с *Rhos* Бертинских анналов «*Ruzzi* Баварского географа, ранее 821 г.» (Мачинский 1988:47), судя по всему, связано с иным и гораздо более широким хронологическим интервалом. Так, А.В.Назаренко (1994:35–39) относит создание Баварского географа ко второй половине IX в. (см. также Свердлов 1989:16–17). Во всяком случае, следует признать отсутствие твердых оснований для со-

поставления *Ruzzi* с волховско-поозерским протогосударством 800-х — конца 830-х годов.

Привлечение ряда сообщений византийских и арабских письменных источников, сопоставимых с рассматриваемым выше известием Бертинских анналов (см. Мачинский 1984:15-16), для характеристики волховско-поозерского протогосударственного организма более позднего времени (после конца 830-х годов) в целом представляется вполне обоснованным. Важно отметить, что правомерность подобного привлечения во многом определяется соотносительностью отраженных в этих сообщениях реалий с более поздним, чем конец 830-х годов, временем. (В ряде случаев возможность подобной соотносительности в связи с охватываемым датировкой сообщения источника хронологическим интервалом не исключается.)

Прежде всего, здесь необходимо отметить известие жителя св. Георгия Амастридского (1893:66-67) о нашествии некоего народа (*Ρῶς*) на Амастриду, которое, по мнению В.Г.Васильевского (1878:173; 1893:117), следует относить ко времени до/около 842 г. Тесная связь значения термина *Ρῶς* византийских источников IX-X вв. с первоначальным значением летописного термина *русь*, восходящего, в конечном счете, к древнесеверной основе, не раз отмечалась исследователями (см., напр., Лебедев 1988:87-88, 95-96). Однако для анализа волховско-поозерской поселенческой структуры (связанной с рассматриваемым в данной главе периодом) гораздо более информативными оказываются сообщения арабских авторов, в частности — сведения, содержащиеся в сочинении Ибн Русте «Дорогие ценности» («ал-А'лак ан-нафиса»).

Территорию, на которой проживают *русы*, Ибн Русте характеризует как «остров... протяженности в три дня пути». При этом источник фиксирует участие *русов* в торговой деятельности на трассе балтийско-волжского пути — речь идет о продаже захваченных в плен *славян*. Наконец, Ибн Русте отмечает отсутствие земледельческого хозяйства у *русов*, которое компенсируется доставкой продовольствия «из земли *славян*» — см. эпиграф к данной главе (цит. по Новосельцев 1965:397; см. также Заходер 1967:78-83).

Русы Ибн Русте (= *Rhos* Бертинских анналов) достаточно отчетливо соотносятся с севером Восточной Европы (Новосельцев 1965:403, 407-408). Однако вполне возможной представляется и более конкретная локализация

данной группы населения. В этом отношении чрезвычайно ценным является весьма вероятное предположение Д.А.Мачинского (1984:21): «сообщение о “трех днях пути” по острову *русов* скорее всего соответствует путешествию на легкой ладье вниз по Волхову от Рюрика городскогоца (для рассматриваемого в данной главе периода более правомерным здесь следовало бы признать указание на комплекс поселений Холопий городок; см. ниже. — Н.П.) до Старой Ладogi...» В таком случае, речь может идти о захвате группой скандинавов в конце 830-х годов не только Ладogi и, надо полагать, близлежащих поселений-городищ (на р. Любша, у д. Новые Дубовики), но и всей системы укрепленных пунктов Поволховья. (Попутно стоит отметить очевидную связь *русов* арабских источников с населением североευропейского происхождения; см. Лебедев 1978:24.) Что же касается этносоциальной общности, образованной выходцами из района верхнего Поднепровья (*словене*), то ее представители, как видно из изложенного выше, утрачивают возможности контроля над волховским участком балтийско-волжского пути.

Сообщение Ибн Русте о том, что *русы* «питаются лишь тем, что привозят из земли *славян*», а сами при этом «не имеют пашен», позволяет с достаточно высокой степенью вероятности локализовать *славян* в ильменском Поозерье, которое, видимо, продолжало выполнять функции земледельческой базы Поволховья. Подобная локализация, в свою очередь, дает возможность отождествить *славян* арабского источника с летописными *словенами*. Данная группа населения оказывается вытесненной из Поволховья и подвергается периодическим набегам скандинавов, утвердившихся в этом регионе.

А.П.Новосельцев (1965:403, 407-408) отнес отраженные Ибн Русте исторические реалии ко времени более раннему, чем 880-е годы. Думается, однако, что наиболее вероятной является связь рассматриваемого известия с периодом, предшествующим событиям 862 г. Принципиальная трансформация социально-политической структуры волховско-поозерского протогосударства, связанная с данными событиями (см. Лебедев 1985б:212, 214), приводит к изменению той основы, на которой строились охарактеризованные Ибн Русте взаимоотношения *русов* и *славян* (см. гл. IV).

Сопоставление материалов V строительного яруса (конец 830-х — 860-е годы) Земляного городища Старой

Ладоги с летописными текстами (859 г.), повествующими о сборе дани *варягами со словен* (Лаврентьевская летопись (1962:19); см. — Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986:166), также не вызывает возражений. Летописные сведения, однако, никак не противоречат известиям Бертинских анналов и Ибн Русте. Учитывая различное происхождение данных источников и принимая во внимание все сказанное выше, я считаю возможным допустить связь указанных сообщений с одними и теми же историческими реалиями. При этом следует отметить, что рассмотренные выше известия о периодических набегах *Rhos-руссов-варягов* на словен Поозерья не дают каких-либо оснований для отрицания существования в данный период единой волховско-поозерской протогосударственной структуры. По справедливому замечанию И.Я.Фроянова (1970:40), дань в это время «являлась одним из видов грабежа или, выражаясь современным языком, контрибуцией». Консолидация же волховско-поозерского протогосударства происходит лишь после социально-политического кризиса 862 г.

2. Волховско-поозерская поселенческая структура

Центром системы укрепленных поселений Поволховья в конце 830-х — 862-м гг., видимо, продолжала оставаться Ладога. Поселение на месте Земляного городища в данный период следует рассматривать в качестве главной опорной базы группы выходцев из Скандинавии, совершающих набеги на население Поозерья (Мачинский 1982:20). Указание Ибн Русте на протяженность *острова русов* «в три дня пути» свидетельствует о том, что комплекс поселений Холопий городок в верховьях Волхова также был захвачен представителями этносоциума *Rhos* (см. выше). Возникновение же крупного укрепленного поселения на месте Рюрикова городища, расположенного непосредственно в истоке Волхова из оз. Ильмень, судя по материалам археологических раскопок и ряду косвенных соображений, пока однозначно можно относить лишь к несколько более позднему (чем 862 г.) времени (см. гл. IV).

Холопий городок и Рюриково городище ограничивают (соответственно — с севера и юга) сравнительно небольшое скопление сельских неукрепленных поселений, приуроченных к берегам Волховца — правого рукава Волхова.

Культурные отложения данных селищ (речь идет о шести памятниках — Ситка-I, Ситка-II, Слутка-I, Родионово, Мыза Сперанского, Хутын) содержат лепную керамику конца I тыс. н.э. (Носов 1991:10-13, 30-31, рис. 1). Более или менее точное определение связи интервала (интервалов?) функционирования этих поселений с тем или иным периодом существования волховско-поозерского протогосударства, а также их сопоставление с той или иной этносоциальной общностью на основании имеющихся в наличии материалов не представляется возможным. Следует, однако, подчеркнуть: в рамках периода конца 830-х — 862-го годов рассматриваемое скопление селищ (если последние вообще существовали в эти годы) вряд ли соотносимо со *словенами* летописных текстов. Зафиксированный целым рядом письменных источников характер взаимоотношений скандинавов, утвердившихся в укрепленных пунктах Поволховья, со *словенами* Поозерья не дает возможности допускать существование поселений *словен* в непосредственной близости от Холопьяго городка.

* * *

Обращаясь к анализу поселенческой структуры ильменского Поозерья, связанной с рассматриваемым периодом, вначале следует все же дать ее общую, сугубо археологическую характеристику.

Целевое археологическое обследование раннесредневековых поселений Поозерья, предпринятое Е.Н.Носовым в 1970 — 1990-х годах, вызывает уверенность в том, что основные «составляющие» поселенческой структуры региона, сформировавшейся, как было показано выше, в начале IX в., выявлены (см. Носов 1991:10-37). Основная масса поселений представлена селищами сравнительно небольших размеров — от 8000 до 40600 квадратных метров. Из 14 подобных селищ лишь 4 топографически связаны с одиночными сопками: Береговые Морины, Любежа, Горошково и Завал-I. (Здесь указаны лишь селища, зафиксированные в результате археологических обследований. Аналогичные поселения, видимо, располагались при одиночных сопках Моисеевичи и Завал-II.) Напомним, что наиболее аргументированная интерпретация сопкок как сакрально-погребальных сооружений, связанных с социальными лидерами возводивших их коллективов, представлена в ряде работ В.Я.Конечского (см. Конечский 1989:141-

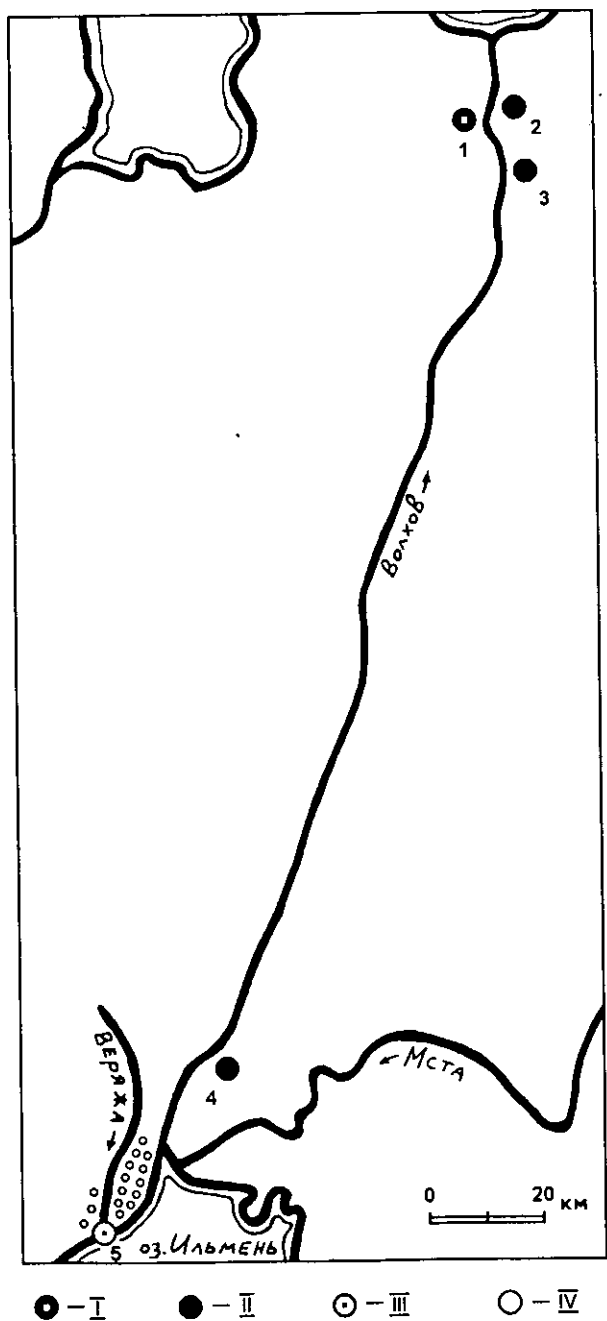
144). В таком случае очевидно, что отмеченные 4 (6) селища, составляющие единые комплексы памятников с одиночными сопками, в иерархии поселений Поозерья занимают некую ведущую позицию по отношению к селищам, при которых сопки отсутствуют. Большинство подобных поселений, судя по составу керамического подъемного материала, продолжало функционировать и в древнерусский период — XI–XIII вв. (Носов 1991:8).

Особо следует выделить три поселения этого региона, социально-политический статус которых, надо полагать, довольно сильно отличал их от рассмотренных выше селищ. Я имею в виду городище у д. Сергово (Сергов городок); селище на р. Прость, составляющее, как будет показано ниже, единый комплект памятников с сакрально-погребальным комплексом социальных лидеров *словен* в урочище Перынь и являвшееся одним из наиболее значимых центров *словен* Поозерья; городище у д. Георгий. Селище на р. Прость и городище у д. Георгий будут подробно рассмотрены в следующих главах (IV–V). Здесь же необходимо остановиться на укрепленном поселении близ д. Сергово.

Функции Сергова городка достаточно очевидны. Расположенный на острове в устье р. Веряжа данный укрепленный пункт блокировал собою путь к основному ядру поселений Поозерья. При этом чрезвычайно важным представляется следующее обстоятельство. Городище у д. Сергово не являлось городищем-убежищем в узком смысле этого слова — селище на острове при городище отсутствует. Вряд ли стоит допускать и функционирование Сергова городка в качестве убежища для жителей окрестных поселений на берегах р. Веряжа — в таком случае при возникновении некоей опасности для достижения укрытия необходима была бы переправа на остров по реке и место расположения городища следует признать чрезвычайно неудачным (ср. — Носов 1990:173). Таким образом, Сергов городок, скорее всего, являлся постоянно действующим форпостом населения побережья р. Веряжа. Однако следует иметь в виду, что культурный слой на площадке городища имеет чрезвычайно слабую мощность — 0,1 м (Носов 1991:21). Очевидно, что постоянное «активное» функционирование данного укрепленного пункта следует связывать с достаточно коротким хронологическим интервалом, характеризующимся некоей нестабильной, напряженной социально-политической обстановкой в данном

регионе. Отсутствие в керамическом материале городища раннегончарной посуды позволяет определить период функционирования Сергова городка временем не позднее 930 г. (Обоснование датировки появления гончарной керамики в Поволжье представлено в статье Е.А.Рябикина — 1985:37). Нижняя хронологическая граница определяется более общей датировкой формирования первоначальной поселенческой структуры Поозерья в целом — 800-е годы. Однако очевидно, что реальный хронологический интервал функционирования данного укрепленного пункта гораздо уже, чем выявленный выше 130-летний период.

Городище у д. Сергово и селище на р. Прость бесспорно выступают как два наиболее значимых центра *словен*, по отношению к которым остальная масса поселений занимает подчиненное положение. (О городище у д. Георгий речь пойдет ниже — см. гл. V). Однако оба центра как бы взаимоисключают друг друга. Поясню. Сергов городок, как уже было отмечено, какое-то непродолжительное время выполнял функции форпоста, закрывая собой проход по р. Веряжа к основному ядру поселенческой структуры Поозерья. (В связи с этим весьма показательной представляется концентрация одиночных сопкок непосредственно за данным городищем, выше по реке — Любоежа, Горошково, Завал-I, Завал-II. Таким образом, здесь расположены 4 одиночные сопки из 6 известных в данном регионе). С другой стороны, учитывая функционирование поселений Поозерья в рамках единой структуры, одновременное существование еще одного центра *словен* на р. Прость (практически на берегу оз. Ильмень) представить довольно сложно. Дело в том, что возникновение последнего маркирует собой резкое снижение напряженности социально-политической ситуации в этом регионе (как, впрочем, и возникновение комплекта памятников Береговые Морины — селище + одиночная сопка). Практически полная незаселенность северо-западного побережья оз. Ильмень (по сравнению с побережьем р. Веряжа) представляется чрезвычайно показательной — ведь место расположения Сергова городка свидетельствует о возможности проникновения в данный регион некоей враждебной *словенам* группы населения именно со стороны озера. Появление же центра *словен* в нижнем течении р. Прость, в непосредственной близости от места истока Волхова из оз. Ильмень, предполагает прекращение «активного» функционирования городища у д. Сергово. Соотноставляя все эти наблюдения с со-

бытийной «сетью» трансформаций волховско-поозерского протогосударства, можно с довольно высокой степенью вероятности определить связь Сергова городка с соответствующим хронологическим интервалом.

В 800 — 830-е годы поселенческая структура Поозерья функционирует, надо полагать, лишь в качестве некоего земледельческого «придатка» Поволховья; возникновение здесь в данный период какого-либо центра *словен* вряд ли возможно. Система же укрепленных поселений Поволховья достаточно надежно контролировала вплоть до конца 830-х годов проникновение в Поозерье выходцев из Северной Европы — единственной, пожалуй, группы населения, которая на основании данных письменных источников может быть охарактеризована как враждебная *словенам*. Таким образом, возникновение в Поозерье городища у д. Сергово (равно как и селища на р. Прость) следует, видимо, отнести ко времени после конца 830-х годов (рис. 2).

Напряженность социально-политической ситуации в рассматриваемом регионе в период с конца 830-х по 862-й годы (с учетом всего изложенного в этой главе выше) представляется очевидной. Именно с этим периодом я и склонен связывать «активное» функционирование Сергова городка. События же 862 г. повлекли за собой принципиальные изменения структуры северно-русского социально-политического организма — утверждение в Поволховье Рюрика после изгнания *варягов* связано с его призванием местной племенной верхушкой для управления волховско-поозерским регионом на основе договора (Мачинский 1986:27). В 862 (появление Рюрика в Ладоге) — 864 (возведение им укреплений «Нового города») годах происходит восстановление некоего регионального «баланса» — укрепленные пункты на Волхове вновь начинают «работать» на сельские поселки северо-западного побережья оз. Ильмень; городище у д. Сергово, таким образом, резко утрачивает свое значение и, видимо, прекращает функционировать.

Рис. 2. Карта-схема Поволховья и ильменского Поозерья (конец 830-х — 862-й гг.): I — центр волховско-поозерского протогосударства; II — укрепленные поселения этносоциума *Rhos* в Поволховье; III — форпост сельских поселений *словен* Поозерья; IV — сельские земледельческие поселения *словен* Поозерья. 1 — Ладога, 2 — городище на р. Любша, 3 — городище у д. Новые Дубовики, 4 — городище Холодный городок, 5 — городище Сергов городок. (См. примеч. к рис. 1.)

IV. РЮРИК И ОЛЕГ В ПОВОЛХОВЬЕ И ПООЗЕРЬЕ: 862–882 годы

*Все его самые могущественные враги
погибли, а некоторые бежали из страны,
и таких было очень много, ибо тогда засе-
лялось много пустынных земель.*

Снорри Стурлусон. Круг земной. Сага
о Харальде Прекрасноволосом

С двадцатилетием 862–882 годов связан целый ряд трансформаций рассматриваемой раннегосударственной структуры, воплотившийся, прежде всего, в переносе резиденции ее главы в верховья Волхова. Именно в это время происходят те события, которые в дальнейшем надолго определяют специфику социально-политических процессов, протекавших на территории Новгородской земли в конце IX–X вв. Во всяком случае, не возникает сомнений в том, что, покидая этот регион в 882 г., Олег оставил волховско-поозерское раннегосударственное образование отнюдь не таким, каким его застал в 862 г. Рюрик.

1. События 862 г. Ладога и Новгород

Историчность летописного рассказа о призвании варяжских князей в настоящее время вряд ли может вызывать сомнения. В 862 г. словене Поозерья предпринимают захват системы укрепленных пунктов на волховском участке балтийско-волжского пути, контролировавшейся до этого этносоциумом скандинавского происхождения, и на какое-то время утверждают в Поволховье. Очевидной представляется связь с этим событием прослойки пожара, разделившей V (конец 830-х – 860-е годы) и VI (860-е – 890-е годы) строительные ярусы Земляного городища Старой Ладоги (Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986:166). Последующее приглашение *словенами* на княжение в Поволховье скандинавского конунга Рюрика, отождествляемого рядом исследователей с Рериком Ютландским (см., напр., Беляев 1929:270), выглядит вполне естественной дипломатической акцией в контексте социально-

политической практики этого времени (Лебедев 1985б:212, 214; Кирпичников 1988:52–53).

В настоящее время все более очевидной становится достоверность известий Радзивилловской и Ипатьевской летописей, согласно которым первоначальная резиденция Рюрика находилась в Ладоге и лишь затем была перенесена в верховья Волхова (Радзивилловская летопись (1989:16); Ипатьевская летопись (1962:14); Мачинский 1981:45; Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986:166; Носов 1992:22–23). Данному летописному сообщению соответствует возведение укреплений Рюрикова городища, зафиксированное археологическими исследованиями. Ров (и, видимо, вал), судя по радиоуглеродным датировкам образцов угля из его заполнения, был сооружен здесь несколько ранее конца IX в. Материалы же раскопанных участков Рюрикова городища «позволяют уверенно говорить о существовании поселения, начиная с середины IX в.» (Носов 1990:149–150, 153). С другой стороны, в VI строительном ярусе (860 – 890-е годы) ладожского поселения прослеживается резкое падение плотности застройки по сравнению с предыдущим периодом (Кузьмин 1988:59, табл. 12, 14), что также сопоставимо с переносом Рюриком центра волховско-поозерского раннегосударственного образования в верховья Волхова (Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986:166).

В связи с изложенным выше понятным становится и тот смысл, который вкладывался в название *Новгород* с момента основания новой княжеской резиденции (**новая резиденция — новые укрепления — новый город**). Рюрик возводит новый Город по отношению к старой Ладоге (Кузьмин 1967:53). Военно-административный статус последней в иерархии поселений волховско-поозерского региона, судя по резкому падению плотности застройки, временно (вплоть до 880 – 890-х годов; см. гл. V) несколько снижается.

* * *

В связи с отмеченным выше социально-политическим статусом Новгорода (Рюрикова городища) здесь хотелось бы остановиться на тех летописных характеристиках, которые связаны с термином *новгородстии людие*, упоминаемым в повествовании о появлении Рюрика в верховьях Волхова.

Термин *новгородстии людие (новгородци)* изначально раскрывается летописными текстами чрезвычайно противоречиво. В Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода для временного среза, предшествующего появлению Рюрика в Поволховье, термин характеризуется следующим образом: «новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря». Этот же текст дает и прямо противоположную его трактовку: «И от тех Варягъ, находникъ техъ (имеются в виду призванные варяжские князья. — Н.П.), прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска» (Новгородская первая летопись (1950:106). В Лаврентьевской (1962:11), Радзивилловской (1989:13) и Ипатьевской (1962:8) летописях первая из приведенных трактовок отсутствует, но в текстах, предшествующих рассказу о призвании *варягов*, термины *новгородци* и *словене* используются как синонимы. Впоследствии Лаврентьевская (1962:20) и Радзивилловская (1989:16) летописи отмечают: «... [и] от техъ [Варягъ] прозвася Руская земля. Новугородьци ти суть людье Новугородьци от рода Варяжска, преже бо беша Словени». И далее: «...суть находници Варязи а перьвии насельници в Новегороде Словене» (цитируется по Лаврентьевской летописи). Противоречие полностью снимается лишь в Ипатьевской летописи (1962:14), текст которой содержит фразу: «...суть находнице Варязи, перьвии наследници в Новегороде Словене». Здесь, однако, в рамках рассказа о призвании *варягов* термин *новгородстии людие* и не упоминается.

Данное противоречие пытался объяснить еще А.А.Шахматов (1908:303), предположивший, что летописная фраза, связывающая происхождение группы населения *новгородстии людие* с *варягами*, является «комментарием составителя Новгородского свода XI века, комментарием к сообщению Древн. Киевского свода о том, что Новгородцы прозвались Варягами; комментарий ссылается на варяжское происхождение многих новгородских мужей, не утративших и до последнего времени своего варяжского обличия (языка и проч.)». С отражением реалий XI в. связал фразу «и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска» и Д.А.Мачинский (1986:14).

Я вполне допускаю, что включение данной фразы в текст летописи может отражать ориентацию летописца на некие современные ему историко-культурные реалии.

Именно с этим обстоятельством безусловно связана оговорка «до днешняго дни» в тексте Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода. Однако, учитывая отмеченную выше достоверность сведений Ипатьевской и Радзивилловской летописей о переносе Рюриком первоначальной и принимая во внимание тот смысл, который вкладывался после этого переноса в название *Новгород*, я считаю необходимым подчеркнуть: рассматриваемая летописная фраза вполне может отражать и исторические реалии второй половины IX в. В таком случае в словах летописи «новгородстии людие... от рода варяжска» проявился этносоциальный статус основной (в социально-политическом отношении) части обитателей новой княжеской резиденции — представителей скандинавской дружины Рюрика. К подобному пониманию данной летописной фразы был чрезвычайно близок А.Г.Кузьмин (1967:52–53), отметивший: «Эти слова служат напоминанием о том, что Новгород был построен якобы Рюриком и, следовательно, первоначальным его населением являлись именно варяги».

Связь термина *новгородстии людие* с представителями княжеского военно-административного аппарата, как будет показано ниже (см. гл. VI), прослеживается и в текстах, посвященных событиям X в. В связи с этим хотелось бы отметить, подобное понимание данного термина предлагается мною лишь для тех конкретных летописных сообщений, в которых он используется, и конечно же ни в коем случае не проецируется на термин *людие* древнерусской летописной традиции в целом.

Отмеченное выше использование терминов *новгородци* и *словене* в качестве синонимов, связано, видимо, с более поздним временем. Синонимичность этих терминов проявилась в тексте Лаврентьевской летописи (1962:151) (см. также — Радзивилловская летопись (1989:65)), помещенном под 1036 г. и повествующем об участии *словен новгородцев* в сражении князя Ярослава Владимировича с печенегами под Киевом. Аналогичный текст в Ипатьевской летописи (1962:138) приурочен к 1034 г. Данное сообщение, по мнению ряда исследователей, было включено уже в так называемый Древнейший киевский свод конца 1030-х годов (Шахматов 1908:582; Приселков 1940:26–28). Не исключено, что именно это обстоятельство (синонимичность терминов *словене* и *новгородци* в летописном известии 1034/1036 г.) и явилось причиной появления отмеченного выше пояснения летописной фразы, связывавшей

группу населения *новгородских людей с варягами* («прежде бо беша Словени»). Кроме этого, здесь, видимо, вновь стоит вспомнить о стремлении летописца представить *словен* изначальным и основным населением Новгорода (Хабургаев 1979:225).

С рассматриваемым периодом (862–882 годы) непосредственно связан и летописный термин *русь*. Наиболее аргументированной представляется его скандинавская этимология: название *русь* через прибалтийско-финское *ruotsi* возводится к древнесеверной основе (см. Лебедев 1985б:225–226; Мачинский 1988:46). В своем первоначальном значении термин *русь* справедливо рассматривается как «название широкого, надплеменного дружинно-торгового общественного слоя, консолидирующегося вокруг князя, образующего его дружину, войско, звенья раннефеодального аппарата...» (Кирпичников, Лубов, Лебедев 1986:204). Очевидно, что для данного периода термин *русь* следует соотносить прежде всего с представителями княжеского военно-административного аппарата, связанными с укрепленными пунктами Поволховья. (Значение этого термина, таким образом, включает в себя и значение термина *новгородских людей*.) При этом взаимоотношения ладожско-новгородской *руси* и населения Поозерья, которое, судя по всему, продолжало выступать в качестве земледельческой базы данной раннегосударственной структуры, становятся принципиально иными, по сравнению с предшествующим периодом конца 830-х – 862-го гг.

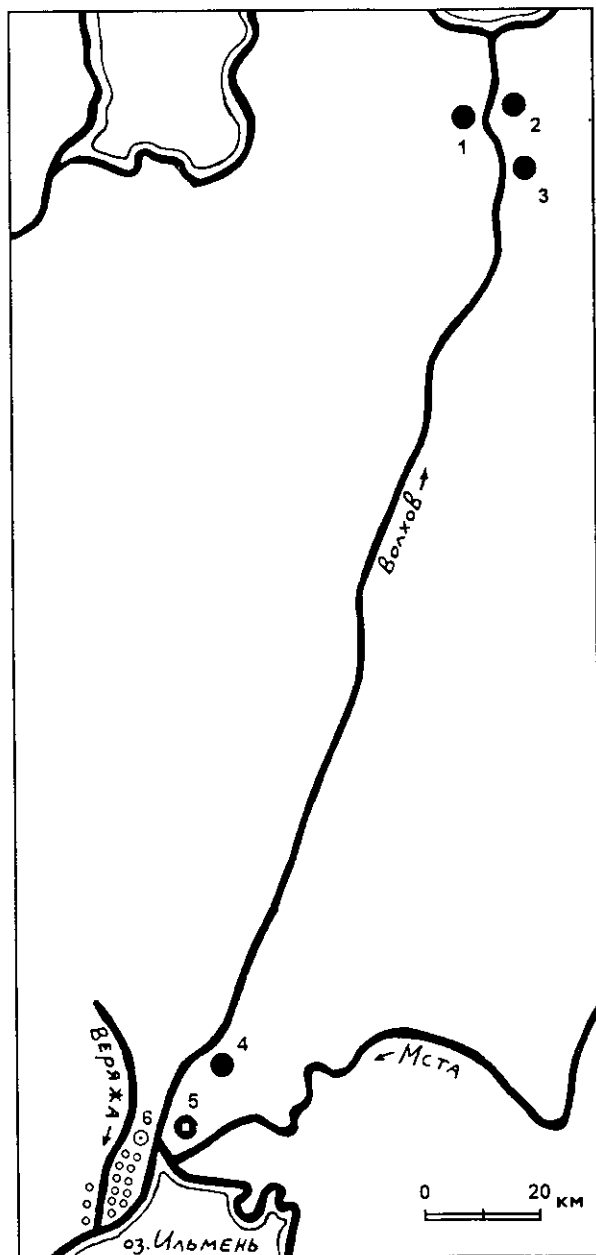
2. Новгород и Поозерье

Изменение характера отмеченных выше взаимоотношений воплотилось прежде всего в переносе Рюриком княжеской резиденции из Ладоги в верховья Волхова, в основании **Нового Города**. Возведение укреплений нового центра волховско-поозерской раннегосударственной структуры в непосредственной близости от *словенского* Поозерья, находящее себе соответствие в появлении Рюрика в Поволховье на основе договора с лидерами *словен* в 862 г. (Кирпичников 1988:52–53), свидетельствует о неких консолидационных процессах, происходивших в рассматриваемом регионе в это время. Периодические набеги представителей этносоциума *Rhos* на Поозерье смещаются более стабильными формами взаимоотношений ладожско-

новгородской *руси* и *словен*. Склонен думать, что указанные обстоятельства и явились причиной возникновения комплекта памятников, включавшего в себя селище на р. Прость и сакрально-погребальный комплекс в урочище Перынь. Развернутую аргументацию данного утверждения следует, однако, предварить краткой археологической характеристикой.

Селище на р. Прость прежде всего выделяется своей площадью — 100000 квадратных метров (Орлов 1972:127–138; Носов 1991:15–16). Существование селища в IX–X вв. не вызывает сомнений; при этом очевидно, что жизнь здесь продолжалась и в более позднее время — после X в. (Орлов 1972:137–138). Для выяснения статуса этого поселения в иерархии поселенческой структуры региона чрезвычайно важны результаты раскопок в урочище Перынь, расположенном в непосредственной близости.

Раскопки 1948, 1951–1952 гг. (Арциховский 1950:9; Седов 1953:92–103; Седов 1954:105–108) выявили здесь остатки трех рвов, окружавших материковые останцы. Предложенная В.В.Седовым на основании результатов раскопок реконструкция «древнерусского языческого святилища Перуна» представляется малоубедительной. Гораздо более правомерным является, на мой взгляд, мнение В.Я.Конечного, согласно которому данные рвы окружали основания сопок*. Эта точка зрения исследователя нашла отражение в докторской диссертации Е.П.Носова (1992Д:117–118). Впоследствии сопки в урочище Перынь были разрушены. Время и обстоятельства их разрушения будут рассмотрены ниже (см. гл. VI). Здесь лишь стоит напомнить, что остатки подобных же сооружений, сознательно уничтоженных в эпоху раннего средневековья, не раз фиксировались в окрестностях Новгорода (Конечный 1984:158, 160). Нивелировка сопок в урочище Перынь произошла через достаточно продолжительное время после их сооружения — поверхность рвов успела покрыться дерновым слоем (Седов 1953:93–94; Седов 1954:105–106). Керамический материал, происходящий из заполнения рвов, свидетельствует о функционировании данной группы сопок в качестве некоего сакрально-погребального комплекса в течение IX–X вв. (Седов 1953:98; Седов 1954:106–107). Наконец, нелишне будет отметить, что группа из трех (минимум!) сопок в урочище Перынь является крупнейшей в Поозерье и, таким образом, может рассматриваться как свое-

● — I ● — II ⊙ — III ○ — IV

го рода сакрально-погребальный центр данного региона.

Единственным поселением, которое могло бы составлять единый комплект памятников с сопками в урочище Перынь, является селище на р. Прость. Возможность их непосредственной взаимосвязи допускалась еще С.Н. Орловым (1972:138; см. также Носов 1990:177, 179). Точности ради, следовало бы предположить и иной вариант: поселение, связанное с сопками в Перыши, могло также располагаться на месте будущего Юрьева монастыря. Однако первоначальные культурные напластования здесь относятся лишь к XI в. (Булкин, Седых, Штендер 1985:127).

Как уже было показано выше (см. гл. III), возникновение центра *словен* Поозерья на р. Прость следует относить ко времени не ранее 862 г. Именно с 860-ми годами соотносимо резкое снижение социально-политической напряженности в Поволховье и Поозерье, восстановление некоего регионального «баланса», существовавшего здесь до скандинавского вторжения конца 830-х годов. С другой стороны, событиям 862 г., очевидно, должны были сопутствовать процессы консолидации этносоциума *словен*, результатом которых вполне могло быть возникновение поселения, обладавшего статусом центра, в том числе и сакрально-погребального характера, являвшегося резиденцией социально-политических лидеров *словен* Поозерья. Таким образом, нижней (и в то же время наиболее вероятной) хронологической границей начала функционирования комплекта памятников Прость-Перынь являются 860-е годы. Любопытно отметить, что данный центр возникает достаточно близко к месту расположения новой княжеской резиденции — Новгорода (Рюрикова городища), одновременно находясь в некотором отрыве от основного поселенческого ядра Поозерья (см. рис. 3).

Рис. 3. Карта-схема Поволховья и ильменского Поозерья (862-882 гг.): I — центр княжеской власти (с 864 г.); II — укрепленные поселения ладожско-новгородской *руси*; III — резиденция лидеров *словен* Поозерья; IV — сельские земледельческие поселения *словен* Поозерья. 1 — Ладога, 2 — городище на р. Любша, 3 — городище у д. Новые Дубовики, городище Холопий городок, 5 — Рюриково городище, 6 — селище на р. Прость. (См. примеч. к рис. 1.)

3. О формировании протогосударственных структур в Помостье и Полужье

Как уже было отмечено выше, утверждение Рюрика в Поволховье было связано с определенной регламентацией отношений между Рюриком и его ближайшим окружением (с одной стороны) и (с другой стороны) с представителями группы лидеров словен, изгнанных в 862 г. *варягов-Rhos*. Резиденцией *словенской* знати становится поселение на р. Прось. Некоторая часть представителей данной группы населения могла при этом влиться в состав ладожско-новгородской *руси* (Петров 1994а:33). Здесь, однако, необходимо обратить внимание и на возможность возникновения той или иной конфликтной ситуации между Рюриком и частью лидеров *словен*, допускавшуюся многими исследователями (Лебедев 1985б:197; Кирпичников 1988:53; Фроянов 1992:100-101).

Думается, что в данном случае можно говорить о некоем комплексе событий (являющемся, своего рода, исторической универсалией), аналогичном последствиям подчинения Норвегии власти Харальда Харфагра в конце IX в. Несмотря на то, что «многие знатные люди пришли к конунгу и стали его людьми», конфликт представителей местной знати с Харальдом здесь также имел место (см. эпиграф к данной главе). В результате этого конфликта они были вынуждены покинуть страну (Сага о Харальде Прекрасноволосом (1980:44, 52); см. также — Сага об Эгиле (1956:67-68)). Надо полагать, что подобная же ситуация сложилась в данный период и в волховско-поозерском регионе. Признавая наличие отмеченной выше конфликтной ситуации, считаю возможным допустить, что какая-то часть лидеров этносоциума *словен* противопоставила себя ладожско-новгородской *руси* и была вынуждена покинуть пределы рассматриваемого раннегосударственного образования. При этом, стоит отметить, что привлекаемые в качестве своеобразной иллюстрации-анalogии сведения скандинавских саг о взаимоотношениях Харальда Харфагра и *знатных людей* позволяют во многом понять процесс формирования социально-политических структур на территории будущей Новгородской земли, долгое время про-

тивостоящих княжескому Новгороду (Рюрикову городищу).

В последнее время многие исследователи обращали внимание на существование в верхнем Полужье и среднем Помостье неких протогосударственных образований, маркированных зонами концентрации сакрально-погребальных сооружений, связанных с представителями так называемой социальной верхушки, — сопок (см. гл. VI — рис. 5; Конечкий, Носов 1989:79-80). «Места подобной концентрации населения, — полагает В.Я.Конечкий (1992:130), — уместно сопоставить с “малыми племенами”, подобными известным по письменным источникам в массовом количестве на западно-славянских землях». Именно против рассматриваемых протогосударственных структур, во главе которых стояла местная родоплеменная знать, и был направлен поход княгини Ольги 947 г. (Конечкий, Носов 1989:80; Кузьмин 1992:118). Довольно отчетливо прослеживаются и их центры — это комплексы археологических памятников у пос. Любытино на Мсте (Конечкий, Носов 1989:77-80) и д. Подгорье (Передольский погост) на Луге (Платонова 1991:72-77, 85-88, рис. 3-7; см. — Кузьмин 1992:118). Важно также отметить, что в отношении комплекса памятников близ пос. Любытино исследователи не видят «возможности иного удовлетворительного объяснения» необычайно высокой концентрации здесь погребальных памятников (прежде всего — сопок) и наличия трех крупных поселенческих зон, во много раз превосходящих по своим размерам обычные селища, «кроме признания резкого притока населения (разрядка мая. — Н.П.) в долину р. Белой, связанного с формированием здесь крупного племенного центра Помостья...» (Конечкий, Носов 1989:79-80).

С другой стороны, регионом, послужившим основным демографическим «резервуаром» освоения центральных районов будущей Новгородской земли (в том числе — верхнего Полужья и среднего Помостья) в конце I тыс. н.э., справедливо считается ильменское Поозерье (Носов 1991:10). При этом археологические памятники так называемой **культуры сопок** в Помостье и Полужье (связанные с освоением этих территорий населением Поозерья) датируются временем не ранее IX в. (Конечкий 1992:126-127).

Учитывая все изложенное выше, склонен полагать, что формирование центров местной племенной оппозиции княжеской власти в рассматриваемых регионах так или ина-

че было связано с конфликтом ладожско-новгородской *русси* и частью лидеров *словен* Поозерья, в результате которого последняя была вынуждена покинуть волховско-поозерский регион. Стоит отметить, что данное предположение дает исчерпывающее объяснение чрезвычайно малочисленности сопки в Поозерье, не раз отмечавшейся исследователями.

Необходимо, однако, подчеркнуть: признавая связь постепенного формирования протогосударственных структур среднего Помостья и верхнего Полужья с переселением в эти регионы представителей социальной верхушки *словен*, я ни в коем случае не отождествляю подобное переселение с массовым освоением данных территорий в IX–X вв. Речь идет лишь о процессе сложения социально-политического уровня взаимоотношений рассмотренных протогосударственных образований и княжеского Новгорода (Рюрикова городища), противостоящие которым продолжались, по крайней мере, вплоть до похода княгини Ольги 947 г. Важно также отметить, что допускаемое мной переселение какой-то группы (групп?) поозерской знати в верхнее Полужье и среднее Помостье не следует непосредственно соотносить с окончательным сложением поселенческих структур данных регионов. Так, например, начало функционирования Передольского поселения (размеры которого приблизительно составляют 500 × 300 м!) относится к первой половине (второй четверти?) X в. (Платонова 1991:74–75, 77).

* * *

В заключение хотелось бы кратко остановиться на характеристике еще одной зоны концентрации сопок, фиксируемой на территории будущей Новгородской земли, в долине р. Ловать. Анализ археологической карты данного региона позволил В.Я.Конечкому (1988:28) заключить: «...Вопреки господствующему мнению, движение славян на Ловати шло с севера на юг, а не наоборот. Данный вывод укладывается в гипотезу об Ильменском Поозерье как «вторичной прародине славян» на Северо-Западе и исходной территории для славянской колонизации этого края». Отличительной же особенностью ловатской зоны концентрации сопок является отсутствие ярко выраженного местного племенного центра. Административный центр средней Ловати, локализуемый для древнерусского времени (XI–

XIII вв.) в районе д. Теребыни (Носов 1988б:81), не прослеживается здесь для более раннего периода — IX–X вв. (Конечкий 1988:29; Носов 1992Л:243).

Можно полностью согласиться с С.Л.Кузьминым (1992:118), который полагает, что данное обстоятельство «связано с проживанием этой группы населения на пути “из Варяг в Греки”, довольно рано, не позднее конца IX в., контролировавшегося княжеской властью». Действительно, после утверждения Олега в Киеве в 882 г. Ловать окончательно становится коммуникационной артерией, подчиненной нуждам киевской княжеской власти, реализации планируемых ею акций на территории будущей Новгородской земли. Потенциальные возможности возникновения в данном регионе центра племенной знати, противостоящего княжескому Новгороду (Рюрикову городищу), были, таким образом, пресечены.

Примечания

* Доклад В.Я.Конечкого «Некоторые аспекты изучения и интерпретации комплекса памятников в Перыни» на VIII научной конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» (Новгород, 26–28 января 1994 г.).

V. ОТ ОЛЕГА ДО ОЛЬГИ: 882–947 годы

... *Олега нача города ставити, и уставу дани словеномъ...*

Лаврентьевская летопись

Для данного периода первостепенное значение имеет ряд мероприятий, предпринимаемых в волховско-поозерском регионе Олегом сразу же после его утверждения в Киеве. Перенос столицы древнерусского государства в среднее Поднепровье требовал от его лидера проведения определенных акций на Северо-Западе, направленных на некую «корректировку» статусов тех или иных этносоциумов и связанных с ними поселенческих структур данного региона в рамках Киевской Руси.

1. Поволховье и Поозерье в период киевского княжения Олега (882–912/922 годы)

Одним из первых в ряду отмеченных выше мероприятий общегосударственного значения, предпринятых Олегом, летописная традиция называет строительство княжеских *городов* и соотносит его с 882 г. (см. эпитафия к данной главе). В качестве одного из таких укрепленных пунктов А.Н.Кирпичников (1980:441–446, 450; 1988:54) предложил рассматривать «древнейшую» каменную крепость в Старой Ладоге — остатки стены из уложенных насухо плит, обнаруженные при раскопках 1974–1975 гг., были датированы исследователем концом IX — началом X вв. Однако необоснованность подобной датировки аргументированно показала Н.К.Стеценко*. Открытые А.Н.Кирпичниковым укрепления «первоначальной» каменной крепости не могут быть отнесены ко времени ранее начала XII в. (см. также Кузьмин 1988:76).

Тем не менее, появление у Ладogi в конце IX в. статуса военно-административного «второго центра» (по отношению к Новгороду (Рюрикову городищу)) Поволховья фиксируется по материалам раскопок поселения на месте Земляного городища. В 890-е годы (нижняя хронологическая граница VII строительного яруса) здесь со-

оружается так называемый «большой дом», остатки которого были выявлены раскопками Е.А.Рябинина. Впоследствии подобные же постройки возводились на этом месте вплоть до 970-х годов (верхняя хронологическая граница IX строительного яруса). На мой взгляд, наиболее аргументированной является интерпретация данной постройки С.Л.Кузьминым «как княжеского двора в Ладогe (или двора его наместника)». При этом, конечно же, не следует исключать и связь обитателей рассматриваемого «большого дома» с торговой деятельностью, предпологающуюся Е.А.Рябининым (Кузьмин 1988:59–61, табл. 15, 17, 19; Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986:166; Рябинин 1985:39–47, рис. 11–12).

С *городами* Олега сопоставимы земляные укрепления, возведенные на территории одного из сельских поселений Поозерья. Речь идет о городище близ д. Георгий. Результаты недавних археологических исследований данного памятника позволили Е.Н.Носову и А.В.Плохову (1992:19) датировать первоначальные укрепления городища концом IX в. и рассматривать его в качестве «административного и, вероятно, военного центра в сгустке земледельческих поселений на р. Веряже». Таким образом, городище у д. Георгий являлось, надо полагать, некоей «базой» ладожско-новгородской *руси* в *словенском* Поозерье. Датировка же начала функционирования этого укрепленного пункта дает возможность соотнести его возникновение с летописными сообщениями о строительстве в 882 г. князем Олегом *городов* и *установлении* им выплаты дани *словенами* Киеву (Лаврентьевская летопись (1962:23–24)).

2. Ладожско-новгородская русь и словене

Итак, после утверждения Олега в Киеве волховско-поозерский регион по-прежнему остается включенным в сферу его политической деятельности. Очевидно, что форпостом киевской княжеской власти в это время на севере Руси являлся Новгород (Рюриково городище), а реализация планируемых здесь данной властью акций возлагалась на представителей ладожско-новгородской *руси* — княжеского военно-административного аппарата Поволховья. Видимо, неслучайно Олег, оставивший, надо полагать, в 882 г. в Новгороде группу своих людей (*новгородстии людие*), будучи уже в Киеве, увеличивает состав дру-

жины за счет «рядовых» участников похода: «... и беша оу него (Олега — Н.П.) Словени, и Варязи, и прочии прозвашася Русью» (цит. по Ипатьевской летописи (1962:17); см. также — Лаврентьевская летопись (1962:23); Радзивилловская летопись (1989:17); Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986:204). Ср.: «... и беша у него Варязи мужи Словене, и оттоле прочии прозвашася Русью» (Новгородская первая летопись (1950:107)).

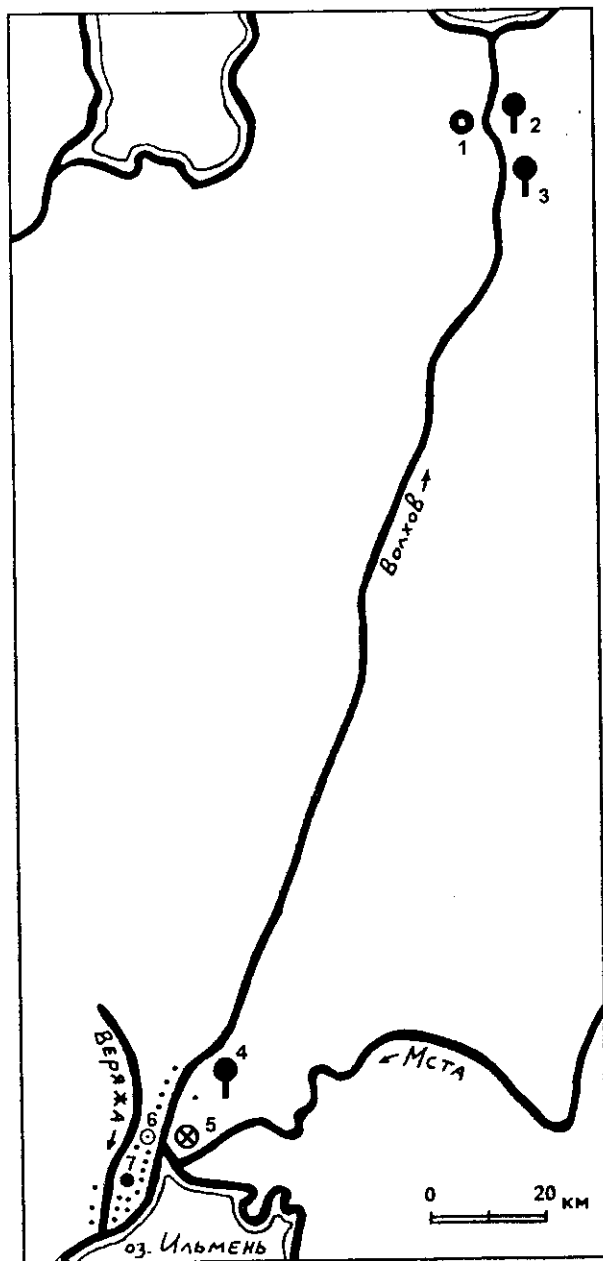
Здесь необходимо оговорить одно чрезвычайно важное обстоятельство, связанное с летописным термином *словене*. Под 882 г. в летописных текстах помещено сообщение о некоем «установлении даней» Олегом северно-русским группам населения. В Комиссионном списке Новгородской первой летописи (1950:107) отмечено: «... и дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ, а от Новагорода 300 гривенъ на лето мира деля, еще не дають». Иной вариант данного текста представлен летописной традицией Повести временных лет: «... и устави дани словенем, и кривичем, и мерямъ, и устави варягом дань даати от Новагорода гривенъ 300 на лето, мира деля еще и до смерти Ярославле дааша варягомъ» (цит. по Радзивилловской летописи (1989:17); см. также — Лаврентьевская летопись (1962:23–24); Ипатьевская летопись (1962:17)).

Это сообщение, вызывавшее недоумение еще у А.А.Шахматова (1908:305), по-разному понималось и понимается исследователями (см., напр., Фроянов 1992:112–117). Отмечу, что, на мой взгляд, наиболее близкой к истине является та точка зрения, согласно которой Новгород выплачивает 300 гривен в год наемному отряду *варягов*, привлеченному для выполнения Новгородом задачи обеспечения внешней безопасности волховско-поозерского региона (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986:195). Стоит напомнить, что, как отмечал А.Е.Пресняков (1938:79), летописный «термин “мира деля” вполне соответствует скандинавскому термину, обозначающему вознаграждение наемной дружине...». *Словене* же, надо полагать, облагаются данью в пользу киевского князя (см. Насонов 1951:70). Однако независимо от того или иного возможного варианта трактовки даней, «установленных» *словенам* и Новгороду, очевидным представляется отчетливое разделение последних. Функционирование Новгорода (Рюрикова городища) в это время в качестве форпоста киевской княжеской власти уже было отмечено выше. С другой стороны, *словене*

в летописных сообщениях о походе Олега на Киев 882 г., военных акциях киевских князей несколько более позднего времени (походы Олега и Игоря на Константинополь, соответственно, 907 и 944 годы) выступают как группа населения, подчиненная княжеской власти (Лаврентьевская летопись (1962:22, 29, 45)). Чрезвычайно показательным в рассматриваемом отношении представляется противопоставление *руси* и *словен* в так называемом «рассказе о парусах», приуроченном древнерусской летописной традицией к сообщению о походе Олега на Константинополь в 907 г. (Лаврентьевская летопись (1962:32)).

Думается, что территориальная структура волховско-поозерского социально-политического организма не претерпевает в рассматриваемый период принципиальных изменений: население Поозерья при «посредничестве» военно-административного аппарата ладожско-новгородской *руси* подчинено киевскому князю. Племенные же образования, маркированные зонами концентрации сопков в верхнем Полужье и среднем Помостье, вплоть до похода княгини Ольги 947 г. противостоят Новгороду. Гораздо сложнее определить механизм взаимоотношений ладожско-новгородской *руси* и населения, связанного с ловатской зоной концентрации сопков. Очевидно, что после 882 г. Ловать, как один из участков общегосударственного *Пути из варяг в греки*, начинает активно контролироваться представителями княжеской власти (в том числе — ладожско-новгородской *русью*). Однако сам по себе характер взаимоотношений последних с местным населением не ясен. Были ли подобные взаимоотношения связаны лишь с ориентацией местного населения на нужды данной коммуникационной артерии или за ними уже стояло его включение в военно-политические акции формирующейся государственной структуры Киевской Руси в целом? Однозначно ответить на этот вопрос не представляется возможным.

Учитывая все изложенное выше, полагаю, что с летописным термином *словене* (ильменские), упоминаемым в сообщениях о событиях, происходивших вплоть до 947 г., следует прежде всего соотносить население ильменского Поозерья. Связь же с данным термином населения ловатской зоны концентрации сопков остается в значительной степени проблематичной.

⊗-I ●-II ●-III ●-IV ⊖-V ·-VI

3. Волховско-поозерский регион в 912/922–947 годах

После смерти Олега (912/922 г.) вплоть до 947 г. летописная традиция не фиксирует каких-либо значительных мероприятий, предпринимаемых киевской княжеской властью на территории Северо-Запада. Любопытно, что именно с этим хронологическим интервалом связано прекращение функционирования целого ряда укрепленных поселений Поволховья (см. рис. 4). Как показали С.Л.Кузьмин и А.Д.Мачинская (1989б:143-144; см. также Кузьмин 1988:78, 87), судя по отсутствию в керамическом материале Любшанского городища и комплекса поселений (городище и селище) у д. Новые Дубовики гончарной керамики, данные укрепленные пункты прекращают свое существование в 920 – 930-х годах. Резкое уплотнение жилой застройки, фиксируемое в это же время в VIII строительном ярусе (920-е – 950 годы) Земляного городища Старой Ладоги (Кузьмин 1988:87, табл. 15, 17), свидетельствует, скорее всего, о переселении сюда жителей указанных поселений.

С другой стороны, отсутствие гончарной керамики в керамическом комплексе городища Холмопий городок (Новосел, Плохов 1989:40) также говорит о резком падении интенсивности жизни на этом поселении в пределах рассматриваемого хронологического интервала. Важно отметить, что резкому упадку ряда укрепленных пунктов ладожско-новгородской *руси*, возможно, хронологически соответствует возникновение в первой половине (второй четверти?) X в. Передольского поселения (Платонова 1991:74-75, 77) — центра племенной «оппозиции», связанного с зоной концентрации сопок в верхнем Полужье.

Рис. 4. Карта-схема Поволховья и ильменского Поозерья (882–947 гг.): I — форпост киевской княжеской власти; II — центр княжеской власти «второго ранга»; III — укрепленные поселения ладожско-новгородской *руси*; IV — укрепленные поселения ладожско-новгородской *руси*, прекратившие функционировать в 920 — 930-е гг.; V — резиденция лидеров *словен* Поозерья; VI — сельские поселения *словен* Поозерья и «предновгородские» поселки в верховьях Волхова. 1 — Ладога, 2 — городище на р. Любша, 3 — городище у д. Новые Дубовики, 4 — городище Холмопий городок, 5 — Рюриково городище, 6 — селище на р. Прость, 7 — городище у д. Георгий. (См. примеч. к рис. 1.)

Дальнейшие же трансформации поселенческих структур Приильменья связаны с походом княгини Ольги 947 г. «по Мьсте... и по Лузе».

Примечания

* Статья Н.К. Стеценко «История ладожской крепости и проблемы ее изучения» (// Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. СПб.) находится в настоящее время в печати.

VI. НОВГОРОД И РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ: 947–989 годы

И се река, повеле рубити церкви и поставляти по местомъ, идеже стояху кумири.

Лаврентьевская летопись

Поход княгини Ольги 947 г. выступает в качестве некоего продолжения меропрятий, предпринятых киевской княжеской властью в Поволховье и Поозерье в 882 г. В результате этого похода меняется внутреннее содержание отмеченного выше (см. гл. IV) противостояния социально-политических образований в верхнем Полужье и среднем Помостье, с одной стороны, и Новгорода (Рюрикова городища) — с другой. Чрезвычайно важным в рамках этого процесса представляется сложение в течение второй половины X в. к северо-западу от Рюрикова городища поселенческой структуры, постепенно «втягивающей» в себя представителей племенной знати. На данную структуру, в конечном итоге, переносится и само название *Новгород*. Начало же формирования последней в качестве центра Новгородской земли и некоего «противовеса» княжескому Новгороду (Рюрикову городищу) маркировано возникновением на ее территории в 989 г. христианского сакрального центра.

1. Поход княгини Ольги 947 г.

Летописное сообщение о данной акции, а вернее, серии акций княгини Ольги, направленной на поселенческие структуры зон концентрации сопков в верхнем Полужье и среднем Помостье, справедливо рассматривается Н.И. Платоновой (1984:174) как свидетельство установления системы фиксированных даней на этих территориях, т.е. — подчинения последних военно-административному аппарату княжеского Новгорода (Рюрикова городища). С зафиксированным летописной традицией появлением Ольги в Новгороде в 947 г. Н.И. Платонова (1991:78) сопоставила сведения, содержащиеся в сочинении византий-

ского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (составлено в 948–952 годах), согласно которым в Новгороде (*Νεμογαράδας*) «сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии...» (1991:44–45, 310–312). Это сообщение полностью соответствует хорошо известной для несколько более позднего времени традиции сажать на княжение в Новгороде сына киевского князя (Владимир Святославич, Ярослав Владимирович и др.).

Чрезвычайно перспективной представляется возможность сопоставления данного летописного сообщения с материалами археологических исследований ряда так называемых локальных центров верхнего Полужья (Платонова 1991:79; Кузьмин 1991:161). Очевидно, что в той или иной степени последние были связаны с установлением Ольгой системы сбора дани с населения, которое образовывало местные племенные социально-политические структуры. Однако необходимо отметить, что характер подобной связи мог быть принципиально различным. Постараюсь пояснить это соображение на примере двух наиболее ярких и наиболее полно исследованных археологически локальных центров данного региона — городища у д. Городец и Передольского комплекта памятников.

Возведение укреплений городища у д. Городец датируется серединой X в. и, таким образом, безусловно сопоставимо с рассматриваемым летописным сообщением. При этом данный опорный пункт княжеской власти появляется на месте функционирующего неукрепленного поселения, возникновение которого относится к несколько более раннему (конец IX в.?) времени. Синхронно возведению укреплений происходит и перепланировка жилой застройки поселения, ее упорядочение (Залевская 1982:51–54, рис. 1; Лебедев 1973а:76; см. также Кузьмин 1989:36–37). Важно отметить отсутствие при городище в этот период (вторая половина X в.) неукрепленного поселения-посады (Платонова 1991:72). Можно полностью согласиться с Г.С.Лебедевым (1977:126), по мнению которого «вал Городца появился после 947 г.» и «Городец стал одним из опорных пунктов княжеской власти в Верхней Руси». В этом отношении чрезвычайно показательным является расположение данного локального центра, связанного с начальным этапом окняжения верхнего Полужья, на периферии зоны концентрации сопков (рис. 5), а также, полное отсутствие сопков в его ближайшей округе.

Возникновение же Передольского поселения, как бы-

ло отмечено выше (см. гл. IV), связано с формированием здесь центра местной племенной «оппозиции» княжеской власти. В непосредственной топографической связи с ним находится самая большая группа сопков верхнего Полужья, в которой насчитывалось, по данным XIX в., не менее 10 насыпей. Наиболее внушительная из них («Шумгора») представляет собой двухступенчатую насыпь высотой 12 и диаметром до 100 м (Платонова 1991:76–77). С летописным сообщением о походе княгини Ольги сопоставим зафиксированный на поселении слой пожара, который уничтожает последнее почти сразу же после его основания и датируется второй четвертью X в. Однако функционирование Передольского поселения (очевидно, с сохранением статуса локального центра) продолжалось. Как отмечает Н.И.Платонова (1991:77–78), «пожар не мог помешать дальнейшему расцвету (разрядка моя. — Н.П.) поселения во второй половине X–XI вв.»

К сожалению, в отличие от селища, состояние культурного слоя на Передольском городище не позволяет выяснить время его сооружения. Н.И.Платонова (1991:77) считает возможным допустить, что возведение этих укреплений связано с основанием здесь в середине X в. опорного пункта княжеской власти, подобного укрепленному поселению у д. Городец. Признавая возможность подобной интерпретации Передольского городища, я хотел бы все же отметить, что ни в коем случае не следует исключать и возможность связи его возникновения с некими консолидационными процессами, безусловно происходившими какое-то время в племенных структурах верхнего Полужья и вызванными давлением, оказанным на данные структуры представителями «внешней силы» — княжеской власти. Очевидно, что население, связанное с Передольским комплектом археологических памятников, в середине X в. было подчинено системе сбора дани, установленной Ольгой в верхнем Полужье. Однако при этом Передольское поселение, судя по всему, продолжает оставаться центром местного племенного образования в рассматриваемом регионе, центром данной зоны концентрации сопков и в несколько более позднее время (по крайней мере — в течение второй половины X в.). В связи с этим следует отметить, что центр, связанный с мстинской зоной концентрации сопков и маркированный комплексом археологических памятников близ пос. Любытино, судя по всему, также сохраняет свое значение после середины X в. Рез-

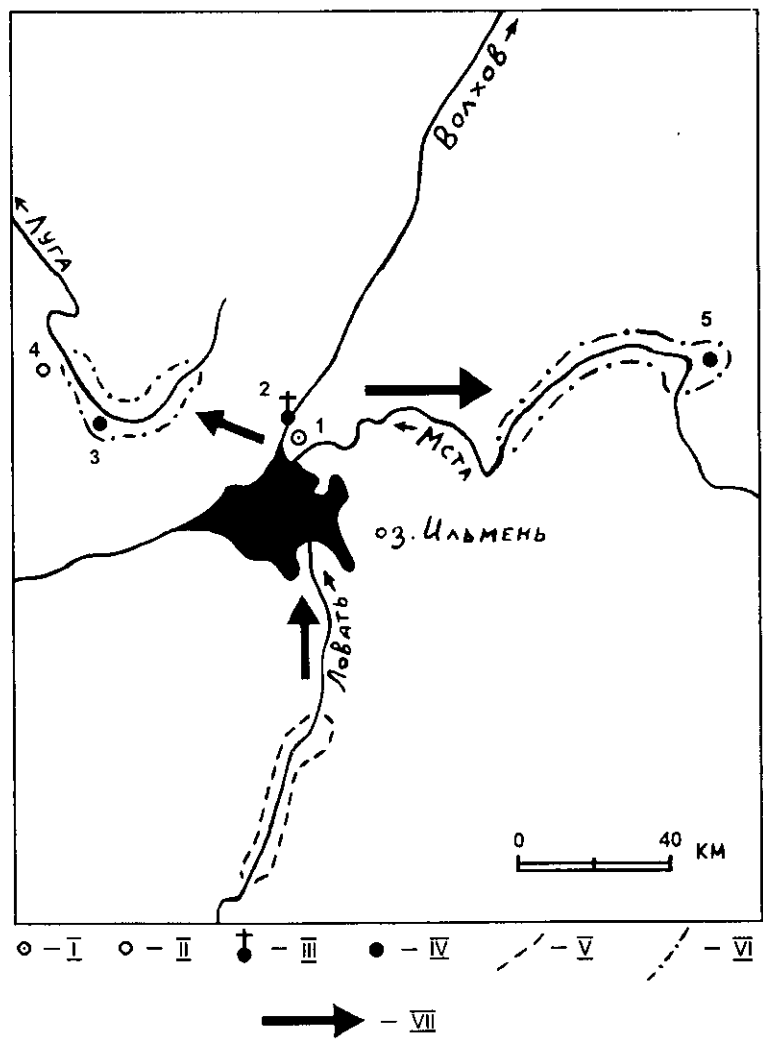

Рис. 5. Карта-схема центральной территории Новгородской земли (947-989 гг.): I — центр княжеской власти; II — укрепленное поселение представителей военно-административного аппарата княжеской власти в верхнем Полужье; III — новый городской центр Новгородской земли,

кое падение последнего фиксируется только в XI — начале XII вв. — погребальные памятники этого времени представлены здесь лишь одним (!) курганным могильником (сохранилось 14 насыпей) с погребениями-труположениями (Носов 1992Д:227).

Охарактеризованной выше ситуации полностью соответствуют сложные и во многом противоречивые взаимоотношения в XI-XII вв. представителей княжеской власти и потомков племенной элиты Новгородской земли, переродившейся в новое сословие — боярство (Янин 1982:154; Кузьмин 1992:119).

2. «Предновгородские» поселения середины X в.

В течение второй половины X в. (а возможно, начиная и с несколько более раннего времени) к северо-западу от Новгорода (Рюрикова городища) формируется поселенческая структура, на которую в дальнейшем переносится название *Новгород*. Проблеме ее возникновения посвящено множество публикаций (историографический обзор см. — Носов 1984:3-7).

Сразу же необходимо отметить, что, как правило, исследователи исходят из изначальной боярской принадлежности древнейших усадеб данных поселений. Усадьбам, исследованным на Неревском раскопе, по мнению В.Л.Янина и Б.А.Колчина (1978:34, 35), «свойственна исключительная стабильность: пограничные частокоты всех усадеб из яруса в ярус на протяжении X-XV вв. возобновляются на тех линиях, которые были проведены в момент первоначальной организации двора, практически — в X в.» И далее: «Исконность конфигурации всех усадеб дает сословную характеристику их владельцев как бояр...» Однако, на мой взгляд, вряд ли стоит столь уверенно говорить об изначальной стабильности планировки усадебных дворов. Судя по опубликованным П.И.Засурцевым

формирующийся в течение второй половины X в.; IV — центры местной племенной элиты Новгородской земли; V — граница зоны концентрации сопков на Ловати; VI — границы зон концентрации сопков в верхнем Полужье и среднем Помостье; VII — поход княгини Ольги 947 г. 1 — Рюриково городище, 2 — Новгород, 3 — Передольский комплекс археологических памятников, 4 — городище у д. Городец, 5 — Любытинский комплекс археологических памятников. (См. примеч. к рис. 1.)

(1963:85, 87, 89-91, рис. 38-43) планам строительных ярусов Перевского раскопа, подобная стабильность присуща, начиная с древнейшего (953-972 годы*) 28 яруса, лишь планировке усадьбы И. Границы же остальных усадеб в целом окончательно формируются лишь ко времени существования построек 19 строительного яруса (1134-1161 годы). Отсутствие неизменности планировки усадеб, выявленных на Перевском раскопе, в начальный период становления города (X-XI вв.), ее постепенное формирование отмечалось М.Х.Алешковским (1974:101-102) и В.А.Буровым (1989:78-79). Попутно стоит отметить, что, по мнению В.А.Булова (1994:217), первоначальные усадьбы другого «предновгородского» поселения (на месте Славенского конца) также не принадлежали боярам: «Боярство... не стояло у истоков формирования Славенского конца».

Как показали исследования селища конца IX — первой половины X вв. в урочище Губинская Лука на Ловати (раскопанного полностью В.Я.Конецким), истоки планировки новгородских усадеб X в. восходят к структуре застройки подобных поселений. «Если сравнить... рядовое поселение культуры сопок в урочище "Губинская Лука" с новгородской усадьбой, — отметил В.Я.Конецкий, — то нельзя не заметить их сходства, проявившегося в планировочной структуре» (Конецкий 1994:144; рис. 2). При этом следует иметь в виду, что селище в урочище Губинская Лука представляло собой как бы «элементарный» вариант поселения, связанный с одной патриархальной семьей или семейной общиной (Конецкий 1994:142). Однако очевидно, что в это время на территории Новгородской земли существовали и поселения, сопоставимые с более сложными социальными структурами, в том числе, связанные с несколькими семейными общинами. Таковыми, видимо, и следует считать древнейшие новгородские поселки, которые, следовательно, вряд ли стоит выделять из числа других сельских поселений Приильменья. Отмечу, что с домостроительными традициями последних соотносятся и центральные жилые постройки новгородских усадеб X-XI вв. (Петров 1990:90-96; Кузьмин, Петров 1990:62-64). Здесь стоит напомнить, что «типично деревенский характер» первоначальных новгородских усадеб отмечался еще М.Х.Алешковским (1974:101; см. также Гринев 1987:28).

Новая модель возникновения древнейших новгородских поселений была недавно предложена С.Л.Кузьминым

(1992:113-119). В целом, она может быть сведена к следующим положениям. «Новгород, — отметил исследователь, — в его исторических границах возник внезапно, взрывообразно, сразу же со сложившимися особенностями материальной культуры... Он сразу возникает как город со специфической застройкой, не имея сколько-нибудь заметных предшественников на своей территории». При этом подчеркивается одновременность возникновения трех древнейших поселений, на базе которых формируются наиболее ранние концы Новгорода (Перевский, Людин и Славенский), в середине X в. Данная трехчастная структура Новгорода сопоставляется С.Л.Кузьминым с трехчастностью социально-политического организма Повгорода в целом (3000 гривен даней, собираемых Новгородом в 1014 г.; три тысячи воинов-новгородцев — участников похода Ярослава Владимировича на Киев в 1015/1016 гг.), а затем — с тремя зонами концентрации сопок на Мсте, Луге и Ловати. Сразу же следует отметить, что указание С.Л.Кузьмина на летописное сообщение об установлении Олегом в 882 г. выплаты Новгородом варягам трехсот гривен в год в рассматриваемом контексте вызывает недоумение — в конце IX в. новгородских поселков, судя по всему, вообще не существовало. Признавая изначальную боярскую принадлежность новгородских усадеб, исследователь полагает, что в процессе возникновения древнейших новгородских поселков «мы наблюдаем... универсальное историческое явление — синойкизм...», развивая, таким образом, точку зрения В.Я.Петрухина (1982:146-147) на данную проблему. Привлекая летописное сообщение о походе княгини Ольги 947 г., С.Л.Кузьмин предлагает рассматривать возникновение трех поселений на месте будущих новгородских концов в середине X в. как результат насильственного сселения сюда Ольгой представителей племенной элиты, связанных с указанными тремя зонами концентрации сопок.

Согласиться с данной гипотезой трудно. Во-первых, не совсем ясно представляется утверждение о «внезапном» и «взрывообразном» характере возникновения Новгорода. «Внезапно» возникает любое поселение. Древнейшие новгородские поселки при этом практически ничем не выделяются, как было показано выше, среди сельских поселений Новгородской земли этого времени. Можно говорить лишь об их «археологической уникальности» — связанные с ними культурные отложения прекрасно сохраняют органику,

в том числе - остатки деревянной застройки, мостовых и т.п.

Во-вторых, возникают эти поселения отнюдь не синхронно и не именно в середине X в. Так, древнейшая уличная мостовая, открытая на Неревском раскопе, относится к первой половине 950-х гг., но, судя по наличию, здесь предматерикового «доярусного» культурного слоя (не датированного дендрохронологически) мощностью около 40 см, данное поселение возникает в несколько более раннее время (первая половина X в.). С первой половиной X в. связаны и первоначальные культурные отложения, зафиксированные на Троицком раскопе; наиболее же ранняя мостовая датируется здесь 940-ми годами (Янин 1992:50; Янин 1994:18). С другой стороны, поселение на месте будущего Славенского конца появляется несколькими десятилетиями позднее — древнейшие культурные напластования датируются здесь 960-ми годами; первый же уличный настил, обнаруженный на Михайловском раскопе и связанный с первоначальным строительным ярусом, относится к 974 г. (Янин 1994:18; Колчин, Хорошев 1978:141–142).

В-третьих, вряд ли стоит говорить об изначально присущей данной поселенческой структуре трехчастности. Первоначальное существование двух отдельных поселений на месте Неревского конца в X в. отмечал П.И.Засурцев (1963:84, 86, 121–122, 162–163; см. также М.Х.Алешковский 1974:101). Кроме этого, возможно, что еще одно поселение существовало в X в. на месте сооружений в 1044 г. укреплений новгородского детинца, которм здесь предшествовал христианский сакральный центр, возникший в 989 г. Выявленный под остатками укрепления культурный слой относится к третьей четверти X в. — связанный с ним срубная постройка, поставленная непосредственно на материке, дендрохронологически датируется 962 г. (Воронова 1988:74–75).

Таким образом, нет оснований предполагать синхронное возникновение в середине X в. «триединой» новгородской поселенческой структуры. Видимо, первоначальное освоение данного участка верховьев Волхова в X в. следует связывать с процессами сельского расселения. Особенности же топографии «предновгородских» поселений определялись характером рельефа. Их связь с наиболее удобными для заселения возвышенными местами не раз отмечалась исследователями (Янин, Колчин 1978:16–20, рис. 4; Носов 1984:16). Фиксируемая для более позднего времени

трехчастность социально-политического организма Новгорода не обнаруживает, таким образом, своих истоков в предшествующей ему поселенческой структуре середины X в.

И, наконец, в-четвертых, как было показано выше, центры племенной «оппозиции» на верхней Луге и средней Мсте достаточно «безболезненно» переживают поход княгини Ольги 947 г., сохраняя свой социально-политический статус и во второй половине X в. Несмотря на то, что с этим походом могли быть связаны какие-то передвижки населения в пределах данных регионов (см., напр., Петров 1992:64–65), очевидным представляется отсутствие каких-либо оснований для предположения о насильственном сселении Ольгой представителей племенной знати в район верховьев Волхова.

Таким образом, формирование близ Рюрикова городища центра племенной элиты Новгородской земли, привлеченной сюда «экономическим значением района и концентрацией здесь административных властей» (Носов 1992:21), происходит постепенно, в течение второй половины X в. Попутно стоит отметить, что предположение о существовании около «предновгородских» поселений связанных с ними сопок (сакрально-погребальных сооружений, соотносимых с данной социокультурной средой) представляется вполне правомерным (см. Носов 1984:25).

В процессе формирования на основе «предновгородских» поселений единого городского центра складывается принципиально новая основа взаимоотношений племенной знати с княжеской властью — «устанавливается активное участие местной родо-племенной аристократии в сборе и разделе государственных доходов Новгорода в X–XI вв. и, следовательно, в деятельном контроле этой группы над системой фиска» (Янин 1982:153). Хронологически сложение подобных взаимоотношений маркировано находками древнейших из известных на сегодняшний день, так называемых деревянных цилиндров, обнаруженных на Троицком раскопе и датированных 973–991 годами. Данные цилиндры, по заключению В.Л.Янина (1982:141–153, рис. 5–6), являясь своеобразными «бирками-замками», фиксируют «применение запечатленных Русской Правдой принципов раздела государственных доходов во времена, отстоящие, по крайней мере, на полвека от первой письменной фиксации “закона русского”».

3. «Людье ноугородьстии» и словене. «Перуна кумиръ» и храм святой Софии

С учетом всего изложенного выше чрезвычайно интерес представляет соотношение названия *Новгород* и термина *словене* в летописных сообщениях о событиях второй половины X в.

Очевидно, что в летописных текстах, повествующих о появлении княгини Ольги в *Новгороде* в 947 г., Новгородом по-прежнему называется Рюриково городище. Однако, как было отмечено выше, в течение второй половины X в. название Новгород переносится на «предновгородские» поселения. Уточнить хронологию данного переноса чрезвычайно сложно. Видимо, в рассматриваемое время (970 — 980-е годы) «предновгородские» поселения постепенно включаются в расширившийся «топонимический объем» названия *Новгород*. Окончательное же завершение этого процесса происходит, надо полагать, уже в XI в., когда в 1044 г. Владимир Ярославич возводит на месте христианского сакрального центра укрепления детинца: «... на весну же Володимиръ заложити Новъгород и сдела его» (Новгородская первая летопись (1950:181)). В название *Новгород* (новый город) вносится, таким образом, новый смысл. Видимо, где-то в середине XI в. за местом княжеской резиденции, основанной Рюриком, закрепляется, наконец, название *Городище* (место, где было укрепленное поселение; см. Носов 1990:194; Носов 1992Д:205, 213). Следует, однако, оговорить одно важное обстоятельство, связанное с летописным сообщением, приуроченным к 980 г.:

«И пришед Добрыня къ Новугороду, постави Перуна кумиръ над рекою Волховомъ, и жряху ему людие новгородстии акы богу» (цит. по Новгородской первой летописи (1950:128); см. также — Лаврентьевская летопись (1962:79)).

Топографическая привязка места расположения идола Перуна, поставленного Добрыней, к урочищу Перынь в истоке Волхова вряд ли может вызывать сомнения (Носов 1984:29–30; Носов 1990:178–179). Но, в таком случае, *Перуна кумиръ* топографически был скорее связан с княжеской резиденцией на Рюриковом городище, чем с почти сформировавшейся поселенческой структурой, развив-

шейся на основе «предновгородских» поселков (рис. 6). Это предположение может быть подкреплено еще одним соображением.

Связь антропоморфных изображений (идолов) Перуна, прежде всего, с княжеско-дружинной социокультурной средой уже отмечалась исследователями. Подобные изображения появляются «в среде господствующего класса, где Перун становится покровителем князя и дружины, и его культ приобретает отчетливо выраженный военный характер» (Даркевич 1961:101). Идол Перуна, поставленный Добрыней, был, таким образом, «ориентирован» в основном на представителей княжеского военно-административного аппарата, проживавших в это время на Рюриковом городище (см. также — Носов 1990:194). Подобная ситуация представляется вполне естественной с учетом того, что так называемая «языческая реформа» Владимира Святославича 980 г. (в связи с которой идол Перуна и устанавливается в истоке Волхова) являлась первоначальной попыткой введения общегосударственной идеологии (Страхов 1985:80; см. также Аничков 1914:263).

Итак, следует признать, что под *Новгородом* в рассмотренном выше летописном известии понимается прежде всего Рюриково городище. Изложенное позволяет охарактеризовать и социально-политический статус группы населения, скрывающейся за термином *людие новгородстии*, которые «жряху... акы богу» идолу Перуна. Полагаю, что, как и в летописных текстах, повествующих о событиях более раннего времени (см. гл. IV), данный термин обозначает основную (в социально-политическом отношении) часть населения Новгорода (Рюрикова городища) — представителей военно-административного аппарата княжеской власти. С этой же группой населения связаны, надо полагать, и *людие новгородстии* (не *словене*!), появившиеся в 970 г. в Киеве и «просяще князя (военачальника — Н.П.) себе» у Святослава (Новгородская первая летопись (1950:121); см. также — Лаврентьевская летопись (1962:69))**.

Значение же летописного термина *словене* в сообщениях о событиях конца X в. несколько изменяется по сравнению с известиями о *словенах*, связанными с более ранними временными срезами. К 988 г. приурочено следующее сообщение летописи:

«И рече Володимиръ: “не добро есть малъ город око-

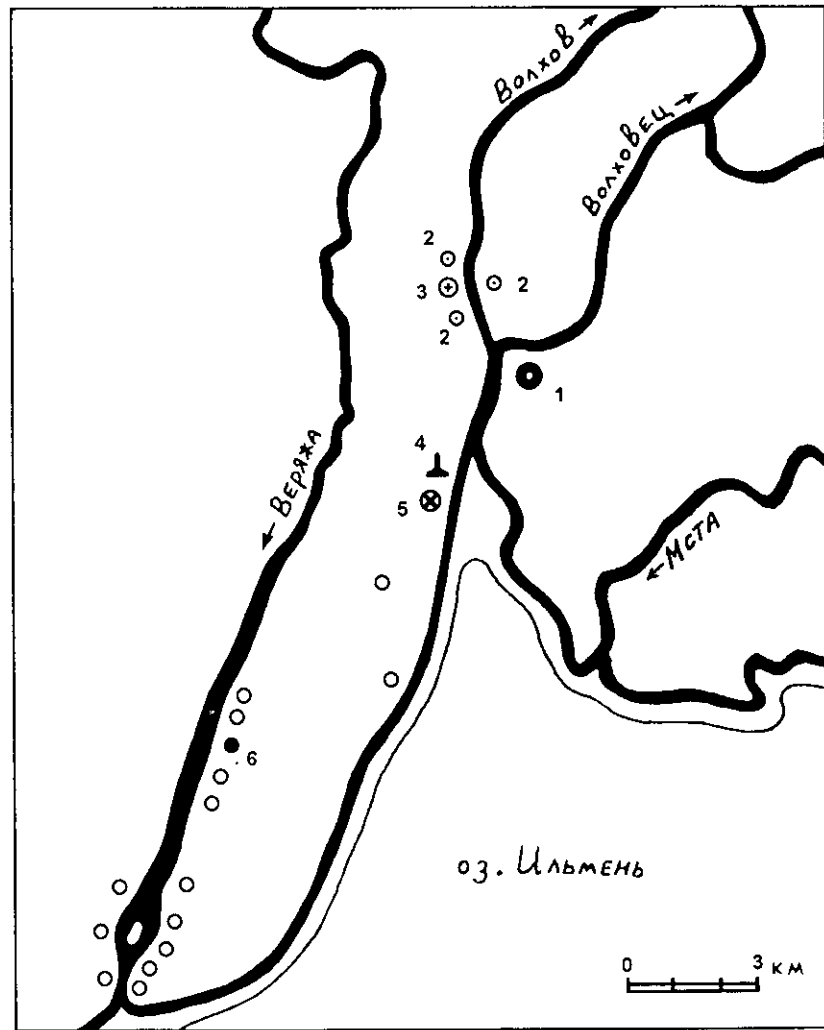

Рис. 6. Карта-схема верховьев Волхова и ильменского Поозерья (947-989 гг.): I — центр княжеской власти; II — поселенческая структура нового городского центра Новгородской земли, формирующегося в течение второй половины X в.; III — христианский сакральный центр Нов-

ло Киева», и нача ставити города по Лесне и по Вьстри и по Трубежю и по Суле и по Стругне, и нача порубати мужи лучьшии от Словенъ (разрядка моя. Н.П.) и от Кривиць и от Чюди и от Вятиць и от всех град; бе бо рать от Печенигъ; и бе бьяся с ними и одоляя имъ» (Новгородская первая летопись (1950:159)). Сходный текст содержит и летописная традиция Повести временных лет: «... и нача нарубати мужи лутши от Словенъ... и от сих насели и грады бе бо печенегъ и бе воюаяся с ними и одоляя имъ» (цит. по Ипатьевской летописи (1962:106); см. также — Лаврентьевская летопись (1962:121)).

Надо полагать, что *мужи лучьшии от Словенъ*, которыми Владимир Святославич населяет построенные им в связи с возросшей военной активностью печенегов крепости, представляют собой местную племенную знать, концентрировавшуюся в верховьях Волхова и безусловно связанную с социально-политическими структурами верхнего Полужья и среднего Помостья. В таком случае, *словене* данного летописного сообщения сопоставимы с термином *Словенинъ* древнейшей Правды Русской (Новгородская первая летопись (1950:176)). Можно полностью согласиться с мнением ряда исследователей, согласно которому этот документ может быть датирован 1016 г. и «представляет собой законодательный акт, оформленный князем Ярославом после восстания, происшедшего в 1015–1016 гг. в Новгороде» (см. Черепнин 1965:131; ср. Гринев 1989:41). Прав, очевидно, С.Л.Кузьмин (1992:116), считающий, что «словене» «Русской Правды», как и «русины», не просто этноним, а термин, характеризующий принадлежность к определенной социально-политической организации. При этом, организация «словен» имеет некоторое самостоятельное значение по отношению к чисто княжеской организации («русины»)».

Следует отметить, что термин *Словенинъ* в древней-

городской земли (с 989 г.); IV — *Перуна кумиръ* в урочище Перынь (с 980 по 989 гг.); V — резиденция лидеров *словен* Поозерья (до 980 г.); VI — укрепленное поселение представителей военно-административного аппарата княжеской власти в Поозерье; VII — сельские поселения *словен* Поозерья. 1 — Рюриково городище, 2 — Новгород, 3 — церковь Иоакима и Анны, Софийский храм и Владычный двор в Новгороде, 4 — урочище Перынь, 5 — селище на р. Прость, 6 — городище у д. Георгиев. (См. примеч. к рис. 1.)

шей Правде Русской, видимо, связан с «живой» этносоциальной терминологией Новгородом конца X — начала XI вв., зафиксированной данным юридическим документом (см. Гринев 1989:35). Это обстоятельство предполагает принципиальное отличие указанного термина от летописного термина *словене*, использование которого в текстах летописей, повествующих о событиях более раннего времени, является неким книжно-литературным приемом (см. гл. II). Единственным и вполне естественным исключением можно считать, таким образом, *словен*, упоминаемых в летописях под 988 г. Близость значения этого термина (в данном конкретном случае) термину *Словенинъ* объясняется, видимо, чрезвычайной хронологической близостью описываемых летописью событий и времени составления древнейшей Правды Русской (1016 г.). Важно отметить, что в дальнейшем термины *словене* и *новгородци* употребляются в летописях в качестве синонимов (сообщение о сражении князя Ярослава Владимировича с печенегами под Киевом в 1034/1036 г.).

* * *

С проблемой начала формирования в конце X в. нового центра Новгородской земли, противостоящего княжескому Новгороду (Рюрикову городищу), тесно связан еще один чрезвычайно сложный вопрос. Речь идет об утрате поселения на р. Прость статуса центра социальных лидеров словен Поозерья (см. гл. IV).

Очевидной представляется тесная связь утраты подобного статуса с уничтожением сакрально-погребального комплекса (грушвы сопок) в урочище Перынь, которое, как показали раскопки, являлось тщательно продуманной акцией: ритуальные кострища во рвах, окружавших сопки, были перекопаны, а сами рвы — засыпаны в процессе одновременной нивелировки сопок (Седов 1953:94, 96, 99; Седов:107). На первый взгляд, разрушение насыпей бесспорно следует связывать с событиями 988–989-х годов — крещением Новгорода (см. — Новгородская первая летопись (1950:159–160)). Думается, однако, что здесь следует обратить внимание на несколько более раннюю дату — 980 г., когда в урочище Пе-

рынь был установлен идол Перуна. (Его уничтожение и описывают летописные сообщения о крещении Новгорода).

Дело в том, что грушва сопок в Перыни, как уже было отмечено выше, функционировала в качестве некоего сакрально-погребального центра словенской знати Поозерья (о сакральных функциях сопок см. — Конечкий 1989:141–144; Петров 1993:81–83). С другой стороны, идол Перуна 980 г. прежде всего был «ориентирован» на представителей княжеского военно-административного аппарата (см. выше). Таким образом, сосуществование в пределах одного сакрального центра сопок и идола Перуна допустить довольно сложно. Невозможность подобного сосуществования становится еще более очевидной с учетом чрезвычайно сложных, напряженных взаимоотношений княжеской власти и местной родоплеменной *словенской* знати. Все изложенное позволяет отнести разрушение грушвы сопок в урочище Перынь к 980 г. и связать его с основанием на этом месте культового центра представителей княжеской власти.

Очевидно, что охарактеризованные выше события 980 г. должны были повлечь за собой утрату поселением на р. Прость статуса центра *словенской* знати Поозерья (функционирование же данного поселка как такового продолжалось и в более позднее время). В связи с этим любопытно отметить, что в дальнейшем — на рубеже XI–XII вв. — рассматриваемое поселение входит в состав первоначальных княжеских доменальных земель под Новгородом (Янин 1981:241–249).

* * *

Христианский сакральный центр Новгородской земли строится в пределах иного (в отличие от идола Перуна 980 г.) поселенческого организма. Деревянный Софийский храм, Владычный двор и каменная церковь Иоакима и Анны возводятся в 989 г. в центре скопления разросшихся к этому времени «предновгородских» поселений, а отнюдь не на месте дохристианского княжеского святилища (ср. эпитафия к данной главе). Церковное строи-

тельство 989 г. свидетельствует, таким образом, о начале окончательного формирования «нового» Новгорода — Нового Города боярской республиканской государственности.

Примечания

* Здесь и далее дендрохронологические датировки строительных ярусов Перевского раскопа даются по Б.А.Колчину (1963:90).

** Ранее я предполагал наличие определенной связи значения термина *новгородци* в летописных текстах, повествующих о событиях 1014–1016 годов, с княжеской дружиной Ярослава Владимировича (Петров 1994б:46). В настоящее время считаю необходимым отказаться от подобного понимания данного термина в указанных текстах. Наименее противоречивое, на мой взгляд, их объяснение предложено С.Л.Кузьминым (1992:115). Развернутое же обоснование моего понимания термина *новгородские люди* — *новгородци* в сообщениях летописей о событиях IX–X вв. представлено в гл. IV, VI настоящей книги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сущность чистой науки заключается только в том, чтобы поставить гипотезу и заменить ее другой, более совершенной, если на то есть основания.

А.Ф.Лосев

Итак, строительство в 989 г. христианского культового комплекса, включавшего в себя деревянный Софийский храм, маркирует собой начало чрезвычайно важного процесса. Речь идет о постепенном переносе функций центра социально-политического организма Новгородской земли на поселенческую структуру, сформировавшуюся в течение X в. близ княжеского Рюрикова городища. В хронологический интервал 1010–1014 гг. сюда переносится княжеская резиденция. С этим событием сопоставимо резкое падение в начале XI в. интенсивности жизни на Рюриковом городище. В 1044 г. возводятся укрепления общегородского детинца. Видимо, именно с этого времени за данным городским центром окончательно закрепляется название *Новгород*.

Отмеченный процесс детально исследован Е.Н.Носовым (1992Д:182–215; см. также — 1990:192–199, 207–208). Здесь лишь хотелось бы отметить чрезвычайную значимость переноса в начале XI в. Ярославом Владимировичем княжеской резиденции. Этот перенос представлял собой «крупный политический акт государственного значения» (Носов 1990:196) и свидетельствовал о резком усилении позиций новгородской аристократии по отношению к княжеской власти. В связи с этим весьма симптоматичным представляется прекращение функционирования городища у д. Георгий (возникшего, как было показано выше (см. гл. V), в качестве центра княжеского военно-административного аппарата в Поозерье в конце IX в.) в начале XI в. — одновременно с утратой Рюриковым городищем статуса княжеской резиденции (см. Носов, Плохов 1992:19; Носов 1990:150–151, 154, 195–196).

На рубеже XI–XII вв. происходит окончательное становление Новгородской земли и ее центра как единой социально-политической структуры. В конце XI в. создается собственный боярский орган государственного управления — посадничество (Янин 1962:56, 58–62, 368). Княжеская резиденция при этом вновь переносится на Рюриково городище (Носов 1990:198). В конце XI — первой трети XII вв. в результате государственной

Таблица 2

Поволховье и ильменское Поозерье: 800-е — 989-й гг.
(Этносоциумы и поселенческие структуры)

Хронологические интервалы	Этносоциумы	Поселенческие структуры	Сведения письменных источников
1	2	3	4
800-е — конец 830-х гг.	<i>СЛОВЕНЕ</i> (ильменские)	Система укрепленных пунктов в Поволховье (ЛАДОГА, Любша, Новые Дубовики, Холопий городок) ----- Совокупность сельских земледельческих поселений Поозерья	Летописные известия о самостоятельном <i>словенском княжестве / волости</i> Сообщение жития св. Стефана Сурожского «О приходе ратию к Сурожу князя Бравлина»
Конец 830-х гг. — 862 г.	<i>RHOS</i> (<i>РѠС, РУСЫ, ВАРЯГИ</i>)	Система укрепленных пунктов в Поволховье (ЛАДОГА, Любша, Новые Дубовики, Холопий городок)	Появление представителей этносоциума <i>Rhos</i> в Византии в 838-839 гг. (Бертинские анналы) Нашествие народа <i>РѠС</i> на Амастриду около 842 г. (Житие св. Георгия Амастридского)
	<i>СЛОВЕНЕ</i> (ильменские)	Совокупность сельских земледельческих поселений Поозерья, защищенная городищем в устье р. Веряжа (Сергов городок)	Сведения Ибн Русте о <i>русак и славянах</i> Летописное сообщение о сборе дани <i>варягами со словен</i>
862 — 882 гг.	<i>РУСЬ</i> (ладожско-новгородская), в том числе:	Система укрепленных пунктов в Поволховье (Ладога (с 864 г.), Любша, Новые Дубовики, Холопий городок)	Летописные известия о событиях 862 г. и переносе Рюриком в 864 г. княжеской резиденции из Ладоги в верховья Волхова
	<i>НОВГОРОДСКИИ ЛЮДИЕ</i>	НОВГОРОД-РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ (княжеская резиденция с 864 г.)	
	<i>СЛОВЕНЕ</i> (ильменские)	Совокупность сельских земледельческих поселений Поозерья; <u>поселение на р. Прость</u> — резиденция лидеров <i>словен</i> Поозерья	

1	2	3	4
882 — 947 гг.	<i>РУСЬ</i> (ладожско-новгородская), в том числе:	Система укрепленных пунктов в Поволховье: Любша, Новые Дубовики, Холопий городок, прекратившие функционировать в 920 — 930-е гг., и <u>Ладога</u> Укрепленный пункт в Поозерье — городище у д. Георгий	Летописные сообщения о событиях 882 г.: — утверждение Олега в Киеве, перенос столицы в среднее Поднепровье; — строительство Олегом княжеских <i>городов</i> ; — «установление даней» Олегом <i>словенам</i> и от <i>Новгорода</i> Участие <i>словен</i> в походах Олега (882, 907 гг.) и Игоря (944 г.)
	<i>НОВГОРОДСКИИ ЛЮДИЕ</i>	НОВГОРОД-РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ (форпост киевской княжеской власти)	
947 — 989 гг.	<i>СЛОВЕНЕ</i> (ильменские)	Совокупность сельских поселений Поозерья; «предновгородские» поселения; центр лидеров <i>словен</i> на р. Прость	
	<i>НОВГОРОДСКИИ ЛЮДИЕ</i> (и другие представители военно-административного аппарата княжеской власти)	НОВГОРОД-РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ (центр княжеской власти) + <u>Перуна кудиря</u> в урочище Нервань (с 980 по 989 гг.) Укрепленный пункт в Поозерье — городище у д. Георгий	Летописное известие о появлении княгини Ольги в Новгороде и походе «по Мьсте... и по Лузе» в 947 г., сопоставимое со сведениями Константина Багрянородного («Об управлении империей»; 948-952 гг.) о княжении Святослава в Новгороде
	<i>СЛОВЕНЕ</i> (ильменские)	Совокупность сельских поселений Поозерья; <u>поселение на р. Прость</u> — резиденция лидеров <i>словен</i> Поозерья (до 980 г.) «Новый» НОВГОРОД, формирующийся в данный период на основе сельских «предновгородских» поселений + <u>Софийский храм, церковь Иоакима и Анны, Владычный двор</u> (с 989 г.)	Установление Добрыней идола Перуна «над рекою Волховомъ» в 980 г. Привлечение Владимиром Святославичем представителей племенной элиты Новгородской земли к выполнению общесельских оборонительных задач в 988 г. Крещение Новгорода и строительство христианского сакрального центра в 989 г.

Примечание. В графе «Поселенческие структуры» (3) прописными буквами выделено название центра ладожско-поозерского региона (ЛАДОГА); сплошной линией подчеркнуты названия центров «второго ранга» (Сергов городок); пунктиром — названия сакральных центров (Перуна кудиря).

раздачи черных волостей начинается становление вотчинной системы землевладения (Янин 1981:241, 246, 272). С этим процессом связан резкий упадок, переживаемый в это время локальными центрами Новгородской земли (Платонова 1988:17–19). К концу XI — началу XII вв. определяются границы Новгородской земли (Носов 1992:34).

* * *

Основные выводы этой книги (периодизация этносоциальных трансформаций, реконструкция этносоциальных структур, выделение соответствующих последним совокупностей поселений) в сжатом виде представлены в табл. 2. В заключение следует оговорить лишь одно важное обстоятельство.

Рассматривая этносоциальные трансформации IX–X вв., связанные с волховско-поозерским регионом, я, как правило, не затрагивал вопросов, касающихся участия в этих процессах этнических коллективов, соотносимых с другими регионами, но упоминающихся письменными источниками в связи с теми или иными исследуемыми событиями. Речь идет о *кривичах*, *мере* и др. Подобное «вынесение за скобки» указанных этногрупп оправдано не только территориальными рамками данного исследования. Как справедливо отметил Е.Н.Носов (1990:189), «на основании летописного сказания нельзя утверждать, как это часто делается в литературе, что во второй половине IX в. существовало славяно-финское «раннегосударственное объединение» или «славяно-финская племенная конфедерация» с единым центром». И далее: «... Ни славянские племена, ни меря, ни тем более весь или чудь в середине IX в. подобных общих целей и потребностей (необходимых для создания раннегосударственной структуры. — Н.П.) не имели».

Сказанное выше, однако, отношь не предполагает необходимости полного «исключения» тех или иных этносоциальных групп населения Северной Руси эпохи раннего средневековья из исследований, посвященных волховско-поозерскому региону. Наоборот, предлагаемая в этой книге реконструкция процесса этносоциальных трансформаций может послужить своего рода «базовой схемой» подобных же разработок с более широким территориально-хронологическим диапазоном.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

- Бертинские анналы // Латиноязычные источники по истории древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989.
- Гай Юлий Цезарь. О галльской войне // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. Т. I. М., 1991.
- Житие св. Георгия Амастридского // Летопись занятий Археографической Комиссии. 1882–1884 гг. Вып. 9. СПб., 1893.
- Житие св. Стефана Сурожского // Летопись занятий Археографической Комиссии. 1882–1884 гг. Вып. 9. СПб., 1893.
- Заходер Б.Н. 1967. Каспийский Свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенги, русы, славяне. М., 1967.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. Т. I. М., 1962.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989.
- Сага о Харальде Прекрасноволосом // Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980.
- Сага об Эгиле // Исландские саги. М., 1956.

Исследования и публикации

- Алешковский М.Х. 1974. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // СА. 1974. № 3.
- Аникович М.В. 1989. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. 1989. № 4.
- Аничков Е.В. 1914. Язычество и Древняя Русь / Христианизация варварских народов Европы. Части I и II // Записки Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Часть CXVII. СПб., 1914.
- Арциховский А.В. 1950. Раскопки в Новгороде // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII.
- Беляев Н.Т. 1929. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П.Кондакова. Т. III. Прага, 1929.

- Блок М. 1986. Апология истории или Ремесло историка. М., 1986.
- Богуславский О.И. 1991. Южное Приладожье во второй половине I начале II тысячелетия н.э. (опыт историко-культурной периодизации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991.
- Бромлей Ю.В. 1983. Очерки теории этноса. М., 1983.
- Булкин В.А., Мачинская А.Д., Мачинский Д.А. 1994. Древняя Ладога: истоки славяно-балтского компонента // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.И.Равдинокаса: Тез. докл. СПб., 1994.
- Булкин В.А., Мачинский Д.А. 1986. Русь конца VIII начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне. (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986.
- Булкин В.А., Седых В.Н., Штендер Г.М. 1985. К ранней истории Хутынского и Юрьева монастырей // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
- Буров В.А. 1989. К социальной топографии Перевского конца древнего Новгорода // СА. 1989. № 4.
- Буров В.А. 1994. Рец. на кн.: И.Г.Гайдуков. Славенский конец средневекового Новгорода. Путный раскоп. М., 1992 // РА. 1994. № 1.
- Васильевский В.Г. 1878. Русско-византийские отрывки. VI. II. Житие Георгия Амастридского: [Окончание] // ЖМНП. 1878. Март.
- Васильевский В.Г. 1893. Русско-византийские исследования // Летопись занятий Археографической комиссии. 1882-1884 гг. Вып. 9. СПб., 1893.
- Воронова М.А. 1988. Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле // НИЗИА. Новгород. 1988.
- [Гребенщиков Б.Б.] 1991. Электрический Пес // Дело мастера Бо. Л., 1991.
- Гринев Н.Н. 1987. О происхождении особенностей древнейшей топографии политического центра Новгородской земли // История и археология Новгородской земли: Тез. науч.-практ. конф. Новгород, 1987.
- Гринев Н.Н. 1989. Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // НИС. Вып. 3 (13). Л., 1989.
- Гумилев Л.Н. 1989. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- Гуревич А.Я. 1975. Язык исторического источника и со-

- циальная действительность: средневековый билингвизм // Труды по знаковым системам. Вып. VII. Тарту, 1975.
- Давидан О.И. 1976. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // Археологический сборник. Вып. 17. Л., 1976.
- Даркевич В.П. 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1991. № 4.
- Дьяконов И.М. 1981. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981.
- Енуков В.В. 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990.
- Залевская Н.И. 1982. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Зализняк А.А. 1984. Наблюдения над берестяными грамотами // Вопросы русского языкознания. Вып. V. (История русского языка в древнейший период). М., 1984.
- Засурцев П.И. 1963. Усадьбы и постройки древнейшего Новгорода // МИА. 1963. № 123.
- Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX-XIII вв. (Свод археологических источников. Вып. Е1-36). М.;Л., 1966.
- Кирпичников А.Н. 1980. Новооткрытая ладожская каменная крепость IX-X вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1979. Л., 1980.
- Кирпичников А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Кирпичников А.Н. 1988. Ладога и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. (Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы). Л., 1988.
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
- Клейн Л.С. 1973. Археологические признаки миграций. М., 1973.
- Клейн Л.С. 1978. Археология и этногенез (новый подход) //

- Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978.
- Клейн Л. С. 1988. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // СЭ. 1988. № 4.
- Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Л., 1991.
- Клейн Л. С. 1992. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4. (СПб.)
- Клейн Л. С. 1993. Феномен советской археологии. СПб., 1993.
- Клубова О. В. 1992а. Исследования в урочище Курская Гора в 1990 году // ИИЗИА. Новгород, 1992.
- Клубова О. В. 1992б. Об исследовании комплекса памятников в урочище Курская Гора // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. 10–12 ноября 1992 г. Новгород, 1992.
- Ключевский В. О. 1956. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М., 1956.
- Колпаков Е. М. 1988. Проблема специфичности понятия «археологические источники» // Категории исторических наук. Л., 1988.
- Колпаков Е. М. 1990. Интерпретация археологической культуры // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М., 1990.
- Колпаков Е. М. 1991. Теория археологической классификации. СПб., 1991.
- Колчин Б. А. 1963. Дендрохронология Новгорода // МИА. 1963. № 117.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С. 1978. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.
- Конечкий В. Я. 1984. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Конечкий В. Я. 1988. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли // ИИЗИА. Новгород, 1988.
- Конечкий В. Я. 1989. Новгородские сонки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история: (Междисц. иссл.). Л., 1989.
- Конечкий В. Я. 1992. К изучению социальных структур славянского населения Приильменя в конце I тыс. н.э. // ИИЗИА. Новгород, 1992.
- Конечкий В. Я. 1994. К происхождению некоторых особенно-

- стей социального устройства древнего Новгорода // ИИЗИА. Новгород, 1994.
- Конечкий В. Я., Носов Е. Н. 1989. Бельский археологический комплекс — древний административный центр Помостья // ИИЗИА. Вып. 2. Новгород, 1989.
- Кузьмин А. Г. 1967. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
- Кузьмин С. Л. 1988. Развитие градостроительной структуры и домостроительных традиций Ладоги VIII–X вв.: Дипломная работа. Л., 1988. [Рукопись] (Архив кафедры археологии СПбГУ).
- Кузьмин С. Л. 1989. Культура сопок в Верхнем Поплюсье // ИИЗИА. Вып. 2. Новгород, 1989.
- Кузьмин С. Л. 1991. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н.э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991.
- Кузьмин С. Л. 1992. О социально-политической структуре Новгорода и Новгородской земли во второй половине IX–XI вв. // ИИЗИА. Новгород, 1992.
- Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. 1989а. Культурная стратиграфия Ладоги VIII–X вв. // АИППЗ 1988. Псков, 1989.
- Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. 1989б. Ладога и ее округа в VIII–X вв. (Этапы становления северного раннесредневекового города) // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Ч. I. М., 1986.
- Кузьмин С. Л., Петров Н. И. 1990. «Большие дома» Северо-Западной Руси VIII–XI вв. // ИИЗИА. Вып. 3. Новгород, 1990.
- Лебедев Г. С. 1973а. Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. 1973. № 135.
- Лебедев Г. С. 1973б. Отражение социальной структуры в археологических материалах // Философия. История. Современность. Л., 1973.
- Лебедев Г. С. 1975. Системное описание археологической культуры // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.
- Лебедев Г. С. 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.
- Лебедев Г. С. 1978. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России. Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л., 1978.
- Лебедев Г. С. 1985а. Северные славянские племена (к поста-

- новке вопроса о связях внутри славянского мира) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
- Лебедев Г.С. 1985б. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
- Лебедев Г.С. 1987. Северная часть «Пути из варяг в греки». (Памятники и навигационные ориентиры Финского залива — Волхова — Ильменя — Ловати — Двинско-Днепровского междуречья) // История и археология Новгородской земли. (Тез. науч.-практ. конф.). Новгород, 1987.
- Лебедев Г.С. 1988. Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н.э.) // Славяно-русские древности. Вып. 1. (Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы). Л., 1988.
- Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии. 1700-1917 гг. СПб., 1992.
- Левченко М.В. 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Лесман Ю.М. 1988. Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI-XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- Лесман Ю.М. 1989. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне. Этногенез и этническая история: (Междисц. иссл.). Л., 1989.
- Лесман Ю.М. 1993. К теории этногенеза: этногенез древнерусской народности // ПАВ. 1993. Вып. 6. (Скифы. Сарматы. Славяне. Русь: Сборник археологических статей в честь 56-летия Дмитрия Алексеевича Мачинского.)
- Лосев А.Ф. 1990. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.
- Мачинская А.Д. 1990. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // ИИЗИА. Вып. 3. Новгород, 1990.
- Мачинский Д.А. 1981. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
- Мачинский Д.А. 1982. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. Л., 1982.
- Мачинский Д.А. 1984. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской куль-

- турной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Мачинский Д.А. 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.
- Мачинский Д.А. 1988. О скандинавском компоненте в составе Волховской Руси // ИИЗИА. Новгород, 1988.
- Мачинский Д.А., Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д. 1986. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII-X вв. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Ч. I. М., 1986.
- Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. 1988. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988.
- Назаренко А.В. 1994. Русь и Германия в IX-X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Мат. и иссл. 1991 год. М., 1994.
- Насонов А.Н. 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Истор.-геогр. иссл. М., 1951.
- Новосельцев А.П. 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Носов Е.Н. 1976а. Поселение у волховских порогов // КСИА. 1976. № 146.
- Носов Е.Н. 1976б. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII-X в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII. Л., 1976.
- Носов Е.Н. 1977. Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Носов Е.Н. 1981. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н.э. // КСИА. 1981. № 164.
- Носов Е.Н. 1984. Новгород и новгородская округа IX-X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // ИИС. Вып. 2 (12). Л., 1984.
- Носов Е.Н. 1988а. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Славяно-русские древности. Вып. 1. (Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы.) Л., 1988.
- Носов Е.Н. 1988б. Грамота Всеволода Мстиславича на Тер-

- пужский погост Ляховичи на р. Ловати (историко-археологический комментарий) // ИИЗИА. Новгород, 1988.
- Носов Е. Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е. Н. 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тысячелетия н.э. (Каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991.
- Носов Е. Н. 1992Д. Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки): Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1992. [Рукопись] (Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 2-Д, д. 493) См. также автореф. дис.*
- Носов Е. Н., Плохов А. В. 1989. Поселение Холопий городок под Новгородом // КСИА. 1989. № 195.
- Носов Е. Н., Плохов А. В. 1991. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991.
- Носов Е. Н., Плохов А. В. 1992. Раскопки на городище Георгий // ИИЗИА. Вып. 6. Новгород, 1992.
- Орлов С. Н. 1972. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2.
- Петренко В. П., Шитова Т. Б. 1985. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Петров Н. И. 1990. Некоторые городские домостроительные традиции Северо-Западной Руси X–XI вв. // Города Верхней Руси. Истоки и становление: (Мат. науч. конф.). Торопец, 1990.
- Петров Н. И. 1992. Культурно-исторические процессы в северной части Молого-Мстинского водораздела в эпоху раннего средневековья // ИИЗИА. Вып. 6. Новгород, 1992.
- Петров Н. И. 1993. О судьбах традиции сооружения сопков в Северо-Западной Руси: археологическая конкретика и культурные реалии // ИИЗИА. Вып. 7. Новгород, 1993.
- Петров Н. И. 1994а. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге: социокультурная позиция в «блоке» погребальных традиций Северного Поволжья // ИИЗИА. Вып. 8. Новгород, 1994.
- Петров Н. И. 1994б. «Новгородские люди» IX — начала

* Ссылки в тексте книги на рукопись диссертации содержат символ Д: (Носов 1992Д). В ссылках на автореферат данный символ отсутствует.

- XI вв. в древнерусской летописной традиции // АИИПЗ 1993. Псков, 1994.
- Петров Н. И., Плохов А. В. 1993. Термин «археологическая культура» и проблемы исследования культурно-исторических процессов на территории Северо-Западной Руси эпохи раннего средневековья // ИИЗИА. Вып. 7. Новгород, 1993.
- Петрухин В. Я. 1982. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья. М., 1982.
- Петрухин В. Я. 1990. О начальных этапах формирования древнерусской народности и распространении названия Русь в свете данных погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Платонова Н. И. 1984. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Платонова Н. И. 1988. Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Платонова Н. И. 1991. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991.
- Плохов А. В. 1992. Лепная керамика центрального Приильменья и славянское расселение (к постановке проблемы) // ИИЗИА. Новгород, 1992.
- Попов С. Г., Свеженцев Ю. С., Зайцева Г. И. 1991. Радиоуглерод и дендрохронология как системы абсолютного датирования Новгорода и археологических памятников Новгородской земли // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991.
- Пресняков А. Е. 1938. Лекции по русской истории. Т. I: Киевская Русь. М., 1938.
- Приселков М. Д. 1940. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.
- Равдоникас В. И. 1949. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // СА. 1949. Т. XI. (М.:Л.)
- Равдоникас В. И. 1950. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Часть II // СА. 1950. Т. XII. (М.:Л.)

- Раевский Л. С. 1985. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985.
- Рябинин Е. А. 1985. Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Сахаров А. Н. 1980. «Мы от рода русского...». Рождение русской дипломатии. Л., 1986.
- Седов В. В. 1953. Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. 1953. Вып. L.
- Седов В. В. 1954. Новые данные о языческом святилище Перуна. (По раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.) // КСИИМК. 1954. Вып. 53.
- Седов В. В. 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Седов В. В. 1989. Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Седов В. В. 1994. Очерки по археологии славян. М., 1994.
- Седых В. П. 1994. Монетные находки в Старой Ладогe и возможности археолого-нумизматического исследования // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса: Тез. докл. СПб., 1994.
- [Свердлов М. Б.] 1989. Латиноязычные источники по истории древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989.
- Страхов А. Б. 1985. О своеобразии формирования восточнославянского культутопочитания и специфике соотношения в нем языческого и христианского элементов // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985.
- Трубачев О. Н. 1991. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.
- Фомин А. В. 1982. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. № 171.
- Фомин А. В. 1989. Дирхемы на Балтике в IX в. // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Ч. I. М., 1989.
- Фосс М. Е. 1952. Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.
- Фроянов И. Я. 1970. Дашники на Руси X–XII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. М., 1970.
- Фроянов И. Я. 1992. Мятёжный Новгород. Очерки истории

- государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.
- Хабургаев Г. А. 1979. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.
- Херрман Й. 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Чебоксаров Н. Н. 1967. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4.
- Черешнин Л. В. 1965. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Черных Н. Б. 1985. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Шаскольский И. П. 1981. Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981.
- Шахматов А. А. 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шнирельман В. А. 1990. Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // КСИА. 1990. № 201.
- Шукин М. Б. 1977. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // Археологический сборник. Вып. 18. Л., 1977.
- Янин В. Л. 1962. Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин В. Л. 1965. Заметки о новгородских берестяных грамотах // СА. 1965. № 4.
- Янин В. Л. 1981. Новгородская феодальная вотчина. (Историко-генеалогическое исследование.) М., 1981.
- Янин В. Л. 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Янин В. Л. 1992. Древнее славянство и археология Новгорода // ВИ. 1992. № 10.
- Янин В. Л. 1994. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // НАЧ. Новгород, 1994.
- Янин В. Л., Колчин Б. А. 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИППЗ	-- Археология и история Пскова и Псковской земли... ... 1988. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1989. ... 1993. Материалы семинара. Псков, 1994.
ВИ	Вопросы истории.
ЖМНП	-- Журнал Министерства народного просвещения.
ИИМК РАН	-- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук (СПб).
КСИА	-- Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КИИМК	-- Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
МИА НАЧ	-- Материалы и исследования по археологии СССР. М. -- Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород, 1994.
НИС ННЗИА	-- Новгородский исторический сборник. -- Новгород и Новгородская земля. История и археология... ... (Тезисы научно-практической конференции.) Новгород, 1988. ... (Тезисы научной конференции.) Вып. 2. Новгород, 1989. ... (Тезисы научной конференции.) Вып. 3. Новгород, 1990. ... (Тезисы научной конференции.) Новгород, 1992. ... (Тезисы научной конференции.) Вып. 6. Новгород, 1992. ... (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1993 г.) Вып. 7. Новгород, 1993. ... (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1994 г.) Вып. 8. Новгород, 1994.
ПАВ	-- Петербургский археологический вестник.
ПСРЛ	-- Полное собрание русских летописей.
РА	Российская археология.
СА	-- Советская археология.
СЭ	Советская этнография.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕЛЕНИЕ	7
I. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	10
II. СЛОВЕНЕ (ИЛЬМЕНСКИЕ): 800-е годы — конец 830-х годов	21
1. Об исходном регионе миграции населения в Поволжье и Поозерье в конце I тыс. н.э.	
2. О датировке начала формирования волховско-поозерской поселенческой структуры	24
3. О первоначальном этносоциальном облике волховско-поозерского протогосударства	33
III. RHOС БЕРТИНСКИХ АННАЛОВ И ЛЕТОПИСНЫЕ СЛОВЕНЕ: конец 830-х годов — 862 год	37
1. Сведения письменных источников	—
2. Волховско-поозерская поселенческая структура	40
IV. РЮРИК И ОЛЕГ В ПОВОЛХОВЬЕ И ПООЗЕРЬЕ: 862-882 годы	46
1. События 862 г. Ладога и Новгород	—
2. Новгород и Поозерье	50
3. О формировании протогосударственных структур в Помостье и Полужье	54
V. ОТ ОЛЕГА ДО ОЛЬГИ: 882-947 годы	58
1. Поволжье и Поозерье в период киевского княжения Олега (882-912/922 годы)	—
2. Ладожско-новгородская русь и словене	59
3. Волховско-поозерский регион в 912/922-947 годах	63
VI. НОВГОРОД И РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ: 947-989 годы	65
1. Поход княгини Ольги 947 г.	—
2. «Предновгородские» поселения середины X в.	69
3. «Людьє поугорьдстии» и словене. «Перуна кумиръ» и храм святой Софии	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
ЛИТЕРАТУРА	85
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	96

Петров Николай Игоревич
ПОВОЛХОВЬЕ И ИЛЬМЕНСКОЕ ПООЗЕРЬЕ
В IX-X ВВ.

Учебное пособие

Зав. редакцией *Г. Чердиченко*
Редактор *Е. Парфенова*
Технический редактор *Л. Иванова*
Оригинал-макет *А. Костина*

Лицензия ЛР № 040050 от 05.08.1991 г.

Подписано в печать с оригинала-макета 22.07.96.

Ф-т 60×90/16. Гарнитура Computer Modern.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,25.

Уч.-изд. л. 5,72. Тираж 300 экз.

Заказ № **306**.

Редакция оперативной подготовки
учебно-методических и научных изданий
Издательства Санкт-Петербургского университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Центр оперативной полиграфии
Санкт-Петербургского университета.
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6.